

Я найду тебя
там,
где любовь

граничит

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

с безумием

Юлия Флери

Юлия Флёри

**Я найду тебя там, где
любовь граничит с безумием**

«Автор»

2016

Флёри Ю.

Я найду тебя там, где любовь граничит с безумием / Ю. Флёри —
«Автор», 2016

Любовь бывает разной. У кого-то безумной, точно бурная река, водопад, омут. У кого-то напоминает водную гладь, которая изредка рябит под дуновением ветра. Она всегда начинается со слова «счастье», с полёта, с мечты. Может витиевато закручиваться в узелки либо плести плотную паутину, а может свободно развеяться под порывом воздуха. А иногда любви приходит конец. Она не истончается, не имеет полумер, просто исчезает. У кого-то на смену любви приходит уважение, трепет от былых чувств, ласкающие душу воспоминания. А кто-то предпочитает забыть о ней, как о несуществующей небылице. Лора в своей любви плыла, закрыв глаза. Доверяя, наслаждаясь этим доверием, получая удовольствия от возможности быть настолько уверенной в чувствах. Чужих и своих. Но что-то пошло не так. Доверие вдруг исчезло или нет... оно поблекло, стало прозрачным и ещё есть возможность удержать его. Только для этого нужно вспомнить. Вспомнить, кто она и кого любила. Содержит нецензурную брань.

© Флёри Ю., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	40
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	54
Глава 11	58
Глава 12	66
Глава 13	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Юлия Флэри

Я найду тебя там, где любовь граничит с безумием

Пролог

«Кажется, я навсегда могла запомнить то утро. То туманное хмурое утро на вершине горы с неведомым мне названием. Смотрела на свои руки... такие тонкие, болезненно-бледные руки с чёткими следами его пальцев. Да. Это были его следы, его отметины. Смотрела, и мой взгляд постепенно рассеивался, как и утренний туман, окутавший вершину.

Я пришла сюда одна. Я знала, что он ещё спит, но скоро проснётся и будет меня искать. Недолго. Потому что его дом, дом отшельника, стоит непроглядной стеной в гордом одиночестве на склоне глубокого ущелья, из которого есть всего один выход. Тот самый, от которого меня отделяет лишь шаг. Один шаг...

– Мари...

От громкого оклика я заметно вздрогнула, но не обернулась, и только тонкая спина до боли напряглась, демонстрируя идеальную осанку, которой меня учили долгих семнадцать лет. Рядом с ним я никогда не забуду о ней. Не могу себе позволить. Поэтому, делая над собой усилие, преодолевая боль, я каждый раз выпрямляю спину. Ведь ему это так нравится...

– Ты снова ушла...

Заметил он, останавливаясь рядом. Так же, как и я, смотрел вдаль. Только его руки были сложены за спиной.

– Ответь, Мари, ты любишь меня?

Задал он вопрос, который задаёт мне каждое утро. Не знаю почему... Неужели я не доказала ему свою любовь, бросив всё: родной дом, отца и мать, дорогих сердцу братьев и сестёр, и уехав сюда? В место, которое навсегда станет моим миром... и моей тюрьмой. В место, которое сделало меня счастливой и несчастной одновременно?

– Как вы думаете, Грэй? – несмело начала я, сдерживая рвущуюся из глубины души дрожь. – Можно ли полюбить человека... – Нет, наверно это не о нём... поэтому я замолчала, поджав губы. – Как вы думаете, Грэй, – продолжила тише, боясь своим дыханием нарушить это мгновение, – можно ли полюбить безумца, который не знает других чувств, кроме насилия... – Он повернул лицо ко мне, наверняка предлагая взглядом продолжить. – Можно ли полюбить того, кто расплывается в улыбке, причиняя боль? Можно ли полюбить того, чьим смыслом жизни стала МОЯ боль, МОЁ унижение?

– Можно, – с мягкой улыбкой ответил Грэй, и я подняла на него взгляд. – Но только в одном случае.

– Можно, – повторила беззвучно, одними губами и замерла от его вожделенного взгляда. – Но только в одном случае. Если ты так же безумен. Я люблю вас, Грэй. И вы заразили меня этим безумием, этой неправильной любовью.

– Маленькая моя Мари, – усмехнулся Грэй, приподнимая мой подбородок нежными и такими знакомыми пальцами, – ты ещё так мало знаешь о любви...

– Я знаю, что она там, где есть вы...

– Пообещай мне...

– Не нужно...

– Пообещай, – властно сверкнули его глаза, и тон принял металлический оттенок. – Пообещай, что никому и никогда ты не повторíš этих слов. Пообещай, что никогда не

посмотришь на другого мужчину этим невинным и таким манящим взглядом. Пообещай! Потому что я не смогу спокойно уйти, зная, что ты одинока. Рядом с другим мужчиной ты навсегда станешь одинокой, потому что потеряешь меня.

– Я люблю вас, Грэй, – упрямо повторили мои губы за мгновение до того, как он улетел в пропасть.

Он. Мой единственный мужчина. Мой единственный мучитель.

– Я люблю вас, Грэй, – прошептала я в пустоту.

Прошептала и последний раз окинула взглядом, ставший моим последним пристанищем каменный замок, лучи солнца, которые только-только начали пробиваться за горизонтом. Последний раз посмотрела на его, теперь уже бездыханное тело и шагнула в пропасть. Чтобы больше никогда в жизни не быть одинокой.

Они опоздали всего на несколько часов. Отец Мари и её братья. Они освободили вход в ущелье от валунов всего на несколько часов позже, чем было нужно. Они застали лишь два бездыханных окровавленных тела, принесённых в жертву несчастной любви. И прокляли. Прокляли столь любимого ею мистера Грэя навсегда».

Глава 1

– Ну, наконец-то я закончила читать эту муру! – выдохнула миловидная женщина, закрывая толстенную книгу в твёрдом переплёте.

– Что, Джексон оказался женщиной? – понимающе усмехнулась экономка, вошедшая буквально пару минут назад, припоминая один из славных советских фильмов.

– Практически.

– Вы смогли отвлечься, Лора Витальевна?

– О, да. Я отвлеклась. Отвлеклась – это даже не то слово. Нет, вы представляете, он, пятидесятилетний мужик, страдающий неизлечимым заболеванием, задурил голову своей восемнадцатилетней воспитаннице, буквально выкрал её из семьи, увёз в горы, предлагая жить отшельниками. Два года избивал, насиловал, унижал, издевался всеми известными ему способами, прикрываясь якобы любовью, чтобы в итоге шагнуть в ущелье этих самых гор, потому что их любви не суждено продлиться вечно. Вы представляете?! – возмутилась хозяйка дома, широко разведя руки в стороны. Вера Петровна ей мило улыбалась.

– Но, как я помню из ваших предыдущих замечаний, она уехала с ним по своей воле, не так ли?

– Да, – Лора потупила взгляд, потому как неожиданный вопрос сбил с нужной мысли. – Но, во-первых, она тоже считала это любовью. И тому было причин несколько: и её неопытность, и желание отдаться любви... Восемнадцатый век всё-таки, чем там ещё занимались барышни из богатых семей?.. Во-вторых, она ведь не знала, что её ждёт, что он даст ей в обмен на трепет и нежность. А в-третьих...

– А в-третьих, – перебила Вера Петровна, – она всегда могла вернуться в свою семью, если ей так уж не нравилась новая жизнь.

– О, нет, всё не так просто, – Лора довольно расправила плечи. – Кроме того, что эта милая головка была толстым слоем запудрена его рассуждениями о своей большой любви, так Грэй ещё, войдя в это самое ущелье, взорвал единственный выход из него. Фактически отрезая все пути к отступлению. А в конце книги, когда из смотровой башни замка он увидел, как её родственники, которые всё же нашли парочку, расчищают этот самый проход и близки к успеху, как раз и подтолкнул несчастную девушку к самоубийству, шагнув в пропасть первым. А тут, знаете ли, тонкость психологии. За два года он настолько убедил молоденькую Мари в том, что без него ей свет не мил, что она принимала это как истину и, не зная другой жизни, смело шагнула вслед за своим мучителем. И я бы всё поняла, я бы даже могла оправдать его извращённую фантазию, но, извините, он смертельно болен и в возрасте за пятьдесят. Тут не сегодня, так завтра и в пропасть идти не будет нужно, но она! Она ведь только начала свою жизнь! Молодая и глупая...

– Каждый выбирает свой путь.

– Иногда нас заставляют выбрать свой, Вера Петровна. По разным обстоятельствам. Но в случае с этой девочкой, вы правы, – смутилась Лора, признавая истину, – едва ли я назову её жертвой. Мне порой казалось, что она, действительно, безумна ему под стать.

– Кто из нас не совершал ошибок? Правда, они не всегда так фатальны. К тому же это её первая любовь, – встрепенулась экономка, видимо, припоминая свои глупости в юности лет. – А вы, Лора Витальевна, помните свою первую любовь?

На этот её вопрос Лора загадочно улыбнулась.

– Помню, – ответила она тихо и непозволительно запоздало.

– Какой она была?

Лора даже закрыла глаза, пытаясь сконцентрироваться на ощущениях, так ей понравился этот вопрос.

– Сладкая, – выдала чуть погодя. – И безответная, – развела она руками и не сдержала смешинку, фактически, очередной раз, признавая правоту женщины. – Я его любила, а он делал мне больно. Я смотрела с замиранием сердца, а он отворачивался и уходил. Вы правы! – решительно заявила Лора. – Первая любовь всегда заканчивается трагедией. Не всегда острой, не всегда непоправимой, но в каждом, без исключения, случае, трагедией.

– Признаться, мне всегда казалось, что вы не способны на глупости, Лора Витальевна. – Вера Петровна присела рядом с хозяйкой, при этом была абсолютно серьёзна.

– Что так?

– Вы истинный реалист, который умеет слишком быстро оценить ситуацию. Да так это делаете, словно ещё в детстве с доскональной точностью знали, как проведёте всю свою жизнь. С каким мужчиной, с какой профессией, с какой целью. Вы производите впечатление на людей.

– О, нет, думаю, это заслуга моего мужа. Причём, целиком и полностью. До него я была другой. Правда, вот, вы сейчас сказали, я задумалась и... не помню, как это, быть другой. Да, словно, действительно, была собой всегда. Вот, именно такой, которой являюсь сегодня.

– Вы очень красивая пара. Достойная.

На это замечание Лора промолчала. У неё было своё, особое мнение на этот счёт.

– Да, пожалуй, ни с кем другим я не чувствовала бы себя так уверенно. Правду говорят, что настоящей женщина может быть только рядом с настоящим мужчиной. Единственное, что меня смущает, так это как раз та реалистичность, с которой мы оба воспринимаем окружающую действительность. Словно смотрим свысока, словно живём выше остальных. А ещё мы разучились мечтать, – произнесла она с некоторым сожалением.

– Считаете, что в розовых очках жить лучше?

– Не знаю насколько лучше, но проще – это наверняка. А ведь у меня тоже были когда-то эти самые розовые очки. Я точно помню. То время, когда ты веришь людям, их искусной лжи. А сейчас я смотрю и не знаю, что такое доверие. Это убивает во мне всю человечность.

– Скорее, делает вас более суровой, строгой.

– Да, да, я даже знаю, что вы сейчас скажете: что рядом с таким человеком, как мой муж, другая бы не выжила, и будете абсолютно правы, – подытожила Лора не без капельки грусти.

– Он вас очень любит.

– Только это и спасает. Но, скажу вам точно, очень опасно доверять свою жизнь другому человеку. Вот, так же как я, безоговорочно, без права на отступление. И... – она улыбнулась. – Словно в этой книге... я своими руками подорвала выход из ущелья.

– Вам пора собираться, Лора Витальевна, – опомнилась экономка, а Лора лишь посмотрела на неё, склонив голову набок, удивляясь способности женщины абстрагироваться самой и заставлять опомниться других.

Вера Петровна появилась в их доме два года назад. Интересная женщина с интересной судьбой. К пятидесяти годам похоронив всю семью, она разочаровалась в жизни, бросила преподавательство и решила связать свою судьбу с благотворительностью. Продала дом, квартиру, машину, отдала все сбережения, совершенно забыв о собственных потребностях, и едва не оказалась на улице. Наверно, она единственный человек, кого из прислуги Лора выбрала сама. Хотя общим для всех словом «прислуга» назвать женщину никак нельзя. Она, словно большая мама, заботится о них, оберегает, не даёт совершать ошибки. Только... Лора не знала такого слова, «ошибка» с того самого дня, как вышла замуж. И ещё. Какой бы железной леди её ни считали окружающие... внутри она оставалась другой. Из плоти и крови. Но об этом знает лишь один человек. Тот, что навсегда изменил её жизнь. Тот, рядом с которым она не боится произнести такого страшного слова «люблю». Ведь наши чувства – это наша слабость... Непозволительная для такого жестокого мира людей.

Да, ей, действительно, было пора.

К своим тридцати годам Лора добилась в жизни многого. Многого именно для женщины. Она руководила крупным благотворительным фондом, её имя имело вес среди уважаемых людей города и даже области. Но самым важным она считала уважение мужа. Была любовь, была страсть, но ценила она именно уважение. То, что он считал её равной по характеру, силе воли, силе желания в достижении целей. То, как он смотрел, как прислушивался к её мнению. Это было важно и особенно приятно.

Несмотря на сравнительно юный возраст, она славилась строгостью характера, жёсткостью в исполнении принятых решений, хладнокровием в ситуациях, перед которыми пасовали выдавшие виды старожилы. Лора с лёгкостью выслушивала мнение завистников, которые считали её не более чем одной из протеже влиятельных мира сего. При этом не имела ни малейшего желания спорить и доказывать обратное. Её вообще мало интересовало чужое мнение, если это касалось личной жизни и карьеры. При этом Лора оставалась чуткой и внимательной к чужим бедам, которые и приводили к ней людей. Не утешала и не предлагала надеяться на лучшее, а просто помогала тем, чем могла помочь, находясь в своём положении.

А сегодняшний день знаменателен третьей годовщиной основания фонда «С надеждой по жизни». Лора верила, что это её дело: заботиться о тех, кому повезло меньше. Едва ли ей нравилось чувствовать себя и других основателей ежегодным «пиршеством», как успели окрестить это мероприятие журналисты жёлтой прессы, но того требовали правила. Кем они были придуманы, сказать сложно, но для желающих оставаться на плаву, этих правил стоило придерживаться. Да и реклама легче привлекала толстосумов жертвовать свои сбережения на помощь больным детям. А, получая результат, грех гнушаться средствами к его достижению. Поэтому сегодня нужно поприветствовать публику и почтить их своим присутствием.

Несмотря на правила приличия и, так сказать, традиции, Лора вовсе не собиралась накинуть на плечи сиротский нарядец, а выбрала эксклюзивное дизайнерское платье. Скромное, уместное, но отнюдь не дешёвое. Мастер уже полчаса как закончил с причёской и макияжем, и, желая скоротать время, она взялась за недочитанную книгу.

Лора не любила подобное чтиво, но последнее время чувствовала себя слишком уязвимой, и, желая отвлечься, выбрала первое, что предложил небезызвестный издательский дом на своём сайте в интернете. Прочла, отвлеклась, но не почувствовала удовлетворения. Книга, скорее, оставила на душе горький осадок, чем приятное послевкусие, и поэтому решено было отправить её на дальнюю полку библиотеки. Почему? Да потому что заставляла задуматься и о своей жизни: а так ли она безупречна?..

– Лора Витальевна, звонили с поста охраны. Дмитрий Сергеевич прибыл.

На оклик Веры Петровны Лора чуть повернула голову в сторону.

– Машина готова?

– Ожидает у входа.

– Сейчас иду, – кивнула она, но не сдвинулась с места. Внутреннее беспокойство уже давно не позволяло дышать полной грудью.

Резко выдохнув и высоко задрав подбородок, Лора направилась к входной двери, по пути не забывая захватить подготовленную сумочку.

На въезде в коттеджный посёлок, действительно, стоял знакомый внедорожник. За рулём, без водителя и других излишних почестей, курил Дмитрий Сергеевич Германов. Неизменный помощник и правая рука фонда. Укрывшись от леденящего ветра, Лора быстро перебралась из одного автомобиля в другой и лишь тогда подняла взгляд.

– Добрый вечер.

– Добрый, Лора Витальевна, – Германов не постеснялся и окинул её долгим взглядом. – Сегодня обойдёмся без бриллиантов?

– Что?

– Мне плохо видно из-за вашего нового норкового манто, – не скрывая иронии, он ухмыльнулся и завёл двигатель.

– Дмитрий Сергеевич, во-первых, бриллиант – это не мой камень, а во-вторых, моё материальное положение вас должно заботить в последнюю очередь.

– Я беспокоюсь не за ваше материальное положение, – Германов развернулся к выезду на трассу, – а лишь болею за общее дело, которое вы этим самым положением заставляете краснеть.

Лора оставила комментарий без ответа. Привычку фыркать не имела, а спорить не было желания.

Германова она не любила, а если ещё точнее, то просто не могла терпеть. Он в долгу не оставался и испытывал к ней встречную неприязнь. Это чувствовалось, но ни разу за три года не было продемонстрировано ни друг другу, ни окружающим.

Причин у такой неприязни не было. Здесь, скорее, чисто человеческие отношения и если бы говорили о паре, то констатировали: они расстались, потому что не сошлись характерами. Но как к профессионалу претензий и нареканий к Германову Лора не имела и с удовольствием выслушивала его грамотные предложения и вполне воплощаемые в жизнь идеи.

На мероприятиях подобного рода они всегда появлялись вместе, и Лора была безгранично рада, что у Германова до сих пор не складывалась личная жизнь. Причина всего одна: появляться в гордом одиночестве не есть прилично, а так как личная жизнь всегда оставалась тайной за семью печатями, приходиться ей было просто не с кем. Дмитрий Сергеевич такое положение дел не считал нужным комментировать, Лора же, мысленно благодарила его за чувство меры и такта.

– Дмитрий Сергеевич, Ева на месте?

– Она всегда на месте. Позвонить, сказать, чтобы встретила?

– Нет, я бы хотела дать ей одно поручение. Думаю, обойдусь без вашей поддержки, спасибо.

– Да, не за что.

Они как раз подъезжали к месту торжества.

Демократично украшенные стены ресторана, чопорные белоснежные скатерти на круглых столах, импровизированная сцена с возвышением для докладчика – всё было готово для начала. Оставалось только дожидаться дорогих гостей. Лора окинула зал придирчивым взглядом, и, не найдя изъянов, благодушно кивнула, что позволило администратору шумно выдохнуть.

– Я не нашла зону для прессы, – окликнула она удаляющегося молодого человека и тот нервно улыбнулся.

– Столик в углу зала недалеко от сцены, – глянул он в сторону указанного объекта и затаил дыхание.

– Да, но в отличие от гостей мероприятия, журналисты будут здесь на работе. Я вам это объясняла и не понимаю в чём проблема.

– Мы просто подумали...

– Думаю здесь я, вам остаётся лишь исполнять.

– Лора Витальевна...

– Лора Витальевна, я разберусь, – подоспел улыбчивый Германов, одним своим присутствием разряжая атмосферу.

– Дмитрий Сергеевич, логично предположить, что мини-банкет для прессы будет организован по окончании официальной части. Займитесь.

– Ева ждёт вас в холле, – улыбнулся он, предлагая удалиться и не мешать.

И в этом был весь Германов. Он старался взять на себя всё, особенно торопился сглаживать острые углы даже до того, как они успевали образоваться. Так и сейчас, не желая портить

настроение ни Лоре, ни обслуживающему персоналу, взвалил на себя организационную часть, которую так безбожно проворонила любимая секретарь Лоры Витальевны, Ева.

– Лора Витальевна, прекрасно выглядите, – подросла молодая девушка с искрами в глазах и такими же огненными волосами. – Германов сказал, вы меня искали?

– Да. Сегодня до нас доберётся губернатор, я бы хотела отсадить его за центральный столик.

– Лора Витальевна, – понимающе усмехнулась девушка, – вы режете меня без ножа. Он, между прочим, лично перезванивал, уточнял этот вопрос. Вы же знаете, что Радов его терпеть не может.

– Я тоже. Могу я пожертвовать одним из соучредителей ради собственного спокойствия, нет?

– Да, но тогда за нашим столиком остаётся пустующая позиция. Кого будем брать? Давайте Москвина, ну, пожалуйста, – девушка озорно стрельнула глазами и даже сложила ладошки лодочкой, моля исполнить просьбу, на что Лора, пусть и с улыбкой, но отрицательно покачала головой.

– Нет, у каждого гостя свои планы на этот вечер. Если он, конечно же, появится, то разместиться, как раз, рядом с губернатором. К тому же жена губернатора от него без ума.

– Так что, вам чужая жена дороже родного секретаря? – Ева надула губы, демонстрируя возмущение. Лора предпочла это проигнорировать и подошла к центральному зеркалу, поправила причёску.

– Ты можешь договориться с ведущим вечера, и он объявит белый танец, – скосила она взгляд на огненную девушку и сделала вид, что не заметила нервный румянец на её щеках.

– Только если вы на этом настаиваете, – пробубнила под нос Ева и предпочла удалиться, пока на поверхность не вылез очередной коварный план оболъщения.

Глава 2

А потом всё как-то быстро закрутилось, завертелось, гости заполняли зал с завидным постоянством, а Лоре оставалось только улыбаться и вежливо склонять голову, приветствуя их у входа. Верный Германов стоял рядом, не жалея своего локтя, которому доставалось за всех, кого Лора видеть была не рада.

Когда гости собрались, пришло время для официальной части. Недовольная пресса растянулась у сцены, расставляя аппаратуру, молоденькие репортёры проверяли технику. Желая поскорее отделаться и ослабить узел галстука, слово взял губернатор. Следующая в очереди стояла Лора.

Его обещания по поводу льгот и поддержки, пресса проглотила на ура, информация о количестве обращений была безбожно занижена, но и это можно было ему простить, благодарственные слова основателям и руководителям высказаны. Всё. Ура. Отмучился.

– А теперь с удовольствием передам слово замечательной женщине, грамотному руководителю и просто красавице. Лора Витальевна, прошу, – выставил он вперёд руки, желая перекинуть груз ответственности со своих плеч.

– Я прошу вас, меньше пафоса, – тут же занял Германов. Тихо и в сторону: держать лицо было для него обязательным условием.

– Дмитрий Сергеевич, – предостерегающе понизила голос Лора и сделала несколько шагов вперёд, выделяясь из толпы.

– Добрый вечер, уважаемые гости, представители прессы, я рада видеть вас на нашей своеобразной годовщине. Надеюсь, эта встреча в неформальной обстановке перерастёт в тесное сотрудничество и совсем скоро превратится в мощный остов будущего наших детей.

Сегодня я не стану упоминать о том, сколько мы сделали, не буду говорить о том, сколько ещё нужно сделать, а просто хочу поблагодарить всех вас за то, что неравнодушны. Поблагодарить за то, что не оставляете без внимания глобальную проблему человечества. Отдельное спасибо присутствующему здесь Валентину Сергеевичу Кропотовичу, ведущему хирургу областного онкоцентра за поистине неоценимый вклад в общее благо. Человеку, который буквально без выходных борется с тяжелейшими недугами, причём, проводит операции абсолютно бесплатно. Спасибо Елене Александровне Зоценко, благодаря помощи которой мы в полной мере снабжены необходимыми препаратами и новейшей аппаратурой. В момент, когда время против нас и отсчёт ведётся не то, что на дни, а на часы, именно эта помощь является первостепенной и такой необходимой. А также хочу отметить господина Торина, собравшего нас здесь, под своим крылом. В месте, где мы можем не просто обсудить, а реально помочь нуждающимся.

И спешу извиниться перед достопочтенной публикой за скромный ассортимент банкетной зоны. Сразу поясню: сколько раз нас, да и не только нас, а представителей любого фонда и организаторов благотворительных вечеров ругали за то, что сумма взносов ничтожно мала в сравнении со стоимостью самой организации вечера. За то, что мы с вами фактически продаем то, что могли бы пожертвовать на помощь нуждающимся. Так вот сегодня именно тот день, когда ругать и полоскать нас точно не будут. Прошу отметить, что сейчас на ваших столах нет коллекционных вин, которые, действительно, входили в программу вечера, а вместо них стоит минеральная вода отечественных производителей. Нет изысканных закусок, а лишь то, что может поставить себе на стол каждый среднестатистический гражданин нашей страны. Отныне и навсегда это станет обязательной традицией проведения наших собраний. Отдельно отмечу тот факт, что сумму, равную той, которую планировалось потратить на организацию банкета, на счета фонда сегодня перевёл наш самый дорогой и горячо любимый основатель и, практически отец родной, Гастило Юрий Владимирович. Юрий Владимирович, вам слово.

Под редкие и неуверенные аплодисменты к сцене прошёл грузный и хмурый мужчина лет пятидесяти. Виски его были украшены сединой, прищур на глазах, казалось, не сходил никогда, оттого лучики морщинок расходились слишком уверенно и пролегали чрезмерно глубоко. Он награждал колючим взглядом всех стоящих у сцены, и лишь на мгновение этот взгляд смягчился, выдавая мимолётную улыбку. Лора в ответ смущённо опустила глаза, и улыбнулась одними губами.

Юрий Владимирович был редким гостем, и за три года всего второй раз предстал перед требовательной публикой. О его прошлом ходили легенды, переполненные слухами. Некоторые из них казались явным вымыслом, но те немногие, которым не посчастливилось столкнуться с этим человеком лицом к лицу, предпочитали об этой встрече не вспоминать никогда.

Так и сейчас, присутствующие не ожидали увидеть его, оттого и воцарилась гробовая тишина.

Несколько приветственных слов, несколько благодарственных, в большинстве своём, руководству фонда, пара обыденных пожеланий, и он ушёл, коротко кивнув Лоре Витальевне на прощание.

– После его взгляда хочется пойти и вымыться, – ворчливо пробормотал Германов в сторону, так, что только Лора и могла его услышать.

– Думаю, каждый человек, достигший определённых высот, обладает таким взглядом, – пожалала она плечами, не оправдывая, а лишь констатируя факт. Тут же почувствовала, как Германов приблизился и посмотрел на её макушку с высоты своего роста.

– Да. Ты, например.

– Не поняла, Дмитрий Сергеевич?

– Ты так же смотришь на меня, – пояснил он полусшёпотом. – С примесью отвращения, презрения и некоторой долей непонимания того, что же я делаю рядом.

– Вы преувеличиваете мои способности говорить взглядом, – слегка обернулась Лора, пытаясь перевести такое откровение в шутку. Тут же почувствовала, как горячая ладонь прошла по спине, опалая кожу сквозь ткань платья.

Лора тут же выпрямилась, сдерживая тошнотворную волну. Даже Германов своей слепой любовью смог ощутить, как ещё секунду назад податливое, расслабленное тело, превратилось в сплошной камень.

– Ещё одна подобная выходка и...

– Так сказала, словно она может стать последней в моей жизни, – холодно усмехнулся мужчина и, легко обогнув Лору со стороны, поднялся на сцену.

Германов любил её слишком давно, чтобы не понимать этой женщины. Нет. Не так. Он любил её слишком давно и безгранично безответно, но так и не смог понять... Не так... Он мог объяснить, найти тысячу причин, но не мог раз и навсегда запретить себе мечтать о ней. Лора была слишком неприступной, слишком гордой и высокомерной, чтобы заметить его любовь, его искренность. Иногда казалась сплошной ледышкой... И снова не то. Она была ледяной глыбой, айсбергом, с такой же мощью и такой же отдачей, но иногда... иногда она становилась женщиной. Мягкой, тёплой, нежной. Это можно было почувствовать, стоя на расстоянии вытянутой руки. Почувствовать, увидеть, оценить, как она горит, воспламеняется от одного взгляда...

Что её связывало с Гастило, можно было только догадываться. Криминальный авторитет, держащий в руках не просто всю область, а несколько соседних республик, мог одним словом заставить её измениться. Не поверил бы, если бы не видел сам. Именно Гастило сказал, что она будет руководить его фондом. Именно он дал понять, что это решение неоспоримо. Её он выбрал, никому не известную, на первый взгляд робкую и нерешительную. Да Германов готов был засмеять это решение в тот же момент, если бы не один её взгляд. Она подавляла им, уничижала, клонила к земле и заставляла себя уважать. На Гастило смотрела, затаив дыхание.

Потому что он знал о ней то, что не знает никто. Мог управлять её эмоциями, её сущностью. И Лора была ровней ему, предводителю.

Только его прикосновения она словно не замечала, любой другой мужчина тут же попал в немилость. Она не терпела фамильярности, не дарила случайных улыбок, рядом с ней вообще не было случайных людей, но каждый знал своё место, и это закон. Сам же Германов за эти три года мог лишь глотать пыль из-под её ног и впитывать то презрение, которым Лора переполнялась при его появлении в комнате. Причиной тому стало неверно сказанное, точнее, непозволительно наглое признание. Он её хотел. Да, может, не столько её, сколько её подчинения. Чтобы она перед ним, так же, как и перед Гасило, готова была падать навзничь. Но Лора не то чтобы высмеяла... Она даже ЭТО не посчитала сделать нужным. Просто развернулась и ушла. Спустя десять минут перезвонила и прямым текстом сказала, что если он повторит подобную ошибку снова, окажется на улице. И Германов ей верил. Потому что этой женщине невозможно было не поверить. Её боялись, перед ней пресмыкались, но едва ли кого-то это спасало от независимого мнения свободной женщины.

И каждый раз он уходит от неё, поджав хвост, сам себя проклиная за слабость, за трусость, за то, что, как и все остальные, пасует перед непробиваемым словом. Так же как и сегодня, пытаюсь сделать вид, что это всего лишь ирония, сарказм, то же раздражение, что и она демонстрирует ему.

Лора была женщиной симпатичной, не более, но внешность яркая, запоминающаяся. Прямые тёмные волосы, доходящие до середины спины, яркие голубые глаза, которые сверкали невероятным блеском только в моменты особенных, важных событий. Такие по пальцам можно было пересчитать за все три года. Хрупкая по телосложению. Тонкая, прозрачная и звонкая – можно было бы сказать в юности. Сейчас же порой казалось, что излишне истощена, но таким внешним видом лишь вводила соперника в заблуждение. По местам всё расставлял её взгляд. Непробиваемый. Непроницаемый. Жёсткий. Такой, как и она сама. Этим и привлекала. Этим заставляла смотреть вслед. Этим брала... а ещё своей неприступностью... хотя, насчёт этой самой неприступности у некоторых было своё личное мнение.

Глава 3

– Лора Витальевна, ну, вы даёте! Не появивсь Юрий Владимирович в зале, окунули бы наших глубокоуважаемых репортёров на самое дно, – на этом Ева сделала круглые глаза и растопырила наманикюренные пальцы. – А разве он собирался приезжать? Мы ему даже место не забронировали. Но всё равно спас ситуацию, иначе газетчики уже завтра распинали бы вас на первой полосе. Жалко вы спиной стояли и не видели, как позеленел Германов. Почему Юрий Владимирович до сих пор его терпит?

– Ева, я не поняла одно: на который из твоих вопросов мне стоит ответить? – легко улыбнулась ей Лора и отсалютовала бокалом с вышеуказанной минеральной водой.

– На все, Лора Витальевна! Только дайте мне вспомнить очерёдность. – Засмеялась секретарь, но тут же наострила уши: Лора была готова отвечать.

– Юрий Владимирович не собирался присутствовать на нашем мероприятии. И не нуждается в забронированном месте, поскольку уже уехал. Как позеленел Германов, я, действительно, не видела, а никто его не увольняет, потому что он надёжный и исполнительный работник. Что-то упустила?

– Я думала, вы меня не слушаете, – хмыкнула та, но тут же отвлеклась на очередное происшествие.

С Евой они работали с момента основания фонда. Девушкой та являлась чрезмерно болтливой, эксцентричной, иногда просто неуправляемой. Но Лоре нравилась за неугасаемую энергию, неиссякаемый бойцовский дух и просто по-человечески. Потому готова была терпеть её болтовню, нескончаемые вопросы, личные мнения и неуместные высказывания. И даже не гнушалась отвечать на откровенные глупости. Так и сейчас, хотелось улыбнуться, глядя на её озорной взгляд.

Ева всегда была в курсе событий, хотя, как ей это удавалось, для многих так и оставалось секретом. Всё видела и всё подмечала, но самым главным было умение в нужной ситуации держать рот на замке.

– Он здесь, – проговорила девушка громким шёпотом, склонившись в сторону Лоры, но, не получив в ответ должной заинтересованности, улыбнулась, расслабилась и сделала вид, что так же внимательно слушает очередного оратора.

– Лора Витальевна, а почему вы никогда не приходите со своим мужем? Знаю, я уже как-то задавала подобный вопрос, но, честно, не помню, что вы мне на него ответили. Даже Германова готовы терпеть, только бы никто не спугнул ваше сокровище. Признайтесь, вы жутко ревнивая и не выпускаете его из-под замка?

Лора лишь удивлённо посмотрела на секретаря, неодобрительно покачав головой.

– А это правда, что он принадлежит к одному из старейших родов Татарстана?

Лора не сдержала смешок.

– А что? Фамилия ваша, знаете, с какого века идёт? Всё может быть! Я даже слышала, что он яркий представитель мафиозных слоёв республики. Вам не страшно оставаться с таким человеком в замкнутом пространстве? Шучу, шучу, – Ева махнула рукой в ответ на приоткрытые губы начальницы, – мне просто очень интересно посмотреть на него. Знаете, наверно, это очень сильный духом человек, если готов жить рядом с такой женщиной, как вы.

– Ева, если ты сейчас спросишь, а не боится ли он оставаться рядом со мной в замкнутом пространстве, я не удивлюсь, – улыбнулась Лора и снова подтянула к себе стакан с водой.

– Да ладно вам, Лора Витальевна, я же не боюсь. И Германов не боится. Про Юрия Владимировича вообще молчу. А как вы с ним познакомились?

– Однажды он поддержал меня в сложной ситуации, – неожиданно и очень серьёзно ответила Лора, отчего Ева на несколько секунд потеряла связь между своими бесконечными вопросами.

Лора собиралась что-то добавить в тот момент, когда почувствовала взгляд. Тяжёлый, заставляющий смотреть в ответ.

– Лора Витальевна, ну, он же глаз не сводит, да посмотрите и вы на него, – лепетала Ева в нетерпении, едва сдерживая себя от желания одёрнуть начальницу за руку. – Знаете, я бы всё отдала за его внимание. Ну, Лорочка Витальевна, ну, посмотрите, – не сдержалась она и коснулась ледяного запястья, заставляя Лору ответить на мужской взгляд.

Москвин сидел вполоборота, чуть впереди, смотрел исподлобья, не скрывая своего явного интереса. И, да, он хотел, чтобы Лора посмотрела в ответ. Взгляд, до этого напряжённый, в один миг превратился в многообещающий, не скрывающий страсти, огня желания и... удовлетворения от того, что она набралась смелости поднять на него глаза. Не всегда отвечала, потому что сгорала изнутри от того заряда энергии, которую получала. Медленно ощупывая её тело, Москвин скользил взглядом снизу вверх, цепляясь им, словно за выступы в скале. Он напряжённо пожевал губами всего за секунду до того как беззаботно улыбнулся и едва различимо кивнул в знак приветствия.

– О-ох, Лора Витальевна, у меня от него прямо мурашки по коже. Не мужчина – Бог! – взвыла Ева, как только тот отвернулся, словно и не было этого интереса. – Вот, честно, я не знала, что такое идеал мужчины до того, как его не встретила. Разве бывают такие в реальной жизни? Да это мечта! Только посмотрите!

Лора усмехнулась, а Ева всерьёз обиделась.

– Да нет же, вот, действительно, посмотрите!

Битва женских взглядов длилась недолго, и Лора позорно сдала позиции, упираясь своим в коротко стриженный затылок Москвина. Ева продолжила:

– Высокий, красивый. Да не этой смазливой красотой, которой сейчас все кичатся. А именно мужской, естественной.

– Ты его явно переоцениваешь.

– Да, но ведь это идеал! Как его можно недооценить? Вот он сидит уверенный в себе и, прошу отметить, все окружающие тоже в нём уверены. Смотрит открыто, никого не стесняясь.

– Обычно подобные ему не знают слово «смущение».

– Вы сейчас имеете в виду то, как он смотрит на вас? – задела Ева, а Лора недовольно нахмурилась.

– Что?

– А что? Только не делайте такой удивлённый взгляд. Когда Москвин смотрит на вас, краснеет ползала. Вы, правда, крепкий орешек, и выдаёте лишь едва заметный румянец, но это тоже показатель!

Ева вошла в раж и повернулась к Лоре Витальевне всем корпусом.

– Вот, по правде говоря, вы не женщина – камень. Вокруг вас всегда много людей, мужчин в особенности, всё же занимаете стоящую должность... Но среди толпы вы всегда выделяли только троих.

– Как интересно, значит, у меня целый гарем.

– Не смейтесь, я серьёзно сейчас говорю.

– Мне кажется или в твой бокал совершенно случайно попала капля мартини?

– Да, Лора Витальевна! Вы что же, всю жизнь мне этот мартини припоминать будете?! Да и не о том сейчас речь. Трое, – она даже на пальцах продемонстрировала магическое число. – Москвин – это первый. Среди остальных он выделяется лишь тем, что вы его замечаете. То есть не отрицаете тот факт, что такой человек в вашем окружении существует, правда, и напрягаетесь в его присутствии так, словно хотите сбежать.

Реагируя на это высказывание, Лора вполне предсказуемо приподняла брови, а Ева отмахнулась.

– Ну, или вцепиться ему в волосы, этого тоже исключить нельзя. Второй – Германов. Этого вы, вполне оправдано, кстати, недолюбливаете. Не скажу, чем он вам так насолил, но, как бы выразиться точнее... ваш взгляд становится каменным в его присутствии. И, третий, куда же без него, Юрий Владимирович. Вот его вы позиционируете и для самой себя, и для окружающих как безусловного лидера. Да, согласна, когда он стоит рядом, у меня, так точно, колени подгибаются. Хорошо ещё, что появляется редко. Но вы его выделяете! Даже плечи как-то особенно расправляете, словно хотите удостоиться его взгляда. Я, между прочим, видела, как он вам сегодня перед сценой улыбнулся. Точнее, не то, как он улыбнулся, а то, как вы на это отреагировали. Германов, кстати, тоже это понял, оттого его физиономия тут же и перекосилась.

– К чему вообще вся эта речь, дорогая?

– Не знаю, может, к тому, чтобы вы расслабились? А вообще я, конечно же, поговорила бы о Москвине. Вам не мешало бы с ним переспать.

– Да? Что ещё? – на этот раз, не пытаясь сдержать смех, издевательски покачала головой Лора.

– Нет, он вас так взглядом пожирает, что о других просто и не думает. Хочет он вас. В самом пошлом и похабном смысле этого выражения. Вот, прямо взглядом обещает, что с вами сделает, дай вы ему хоть малюсенькую надежду. Вы, когда с ним наедине в следующий раз останетесь, вспомните мои слова, – дала Ева наказ, покачивая прямым указательным пальцем.

– Допустим. Не пойму только, твой какой интерес. М-м? – Лора подтолкнула секретаря плечиком, стараясь сделать этот жест намного незаметнее.

– А мой интерес, Лора Витальевна, самый простой: как только он сдволится вашей недоступностью в полной мере, вспомнит и о нас, простых смертных.

– А, то есть ты готова принести меня в жертву? – догадалась Лора и нахмурилась, на что Ева несколько раз удивлённо моргнула.

– Да ну вас! – развеселилась она, уловив шутку в голосе, взгляде. – Никогда он не снизойдёт до нас, и сама знаю. Я слышала, Москвин встречается с Мисс Россия прошлого года. И они, между прочим, хорошо смотрятся вместе. Говорят, на конкурсе он преподнёс ей сногшибательный букет, а некоторые даже берутся утверждать, что купил ей этот титул.

На скептический взгляд и еле сдерживаемую улыбку, Ева возмутилась.

– А что вы думаете?! Он мог!

– В том, что мог, я, конечно, не сомневаюсь, – Лора прикрыла улыбку бокалом воды.

– Вот и я не сомневаюсь. Видела краем глаза платёжки в бухгалтерском отчёте. Так, там такие суммы фигурируют, вам ли, Лора Витальевна, не знать. А сколько тогда он, извините за нескромный вопрос, зарабатывает? Вот, сколько может зарабатывать такой вот простой честный бизнесмен, как Москвин? – вальяжно расселась Ева, закинув ногу на ногу, опираясь одним локтем на высокую спинку стула.

– Само по себе словосочетание «честный бизнесмен» наводит меня на раздумья: а изучала ли ты русский язык, иначе с чего бы пыталась совместить несовместимое. А слово «простой» здесь и вовсе не уместно.

– Да! – довольно облизнулась девушка и с вождением уставилась на объект обожания. – Он интересный мужчина. Загадочный, непознанный, необыкновенный и просто такой лапочка-а-а! – резко выпрямилась Ева и промокнула губы салфеткой. – Лора Витальевна, он к нам идёт. Только я прошу вас, не напрягайтесь так в его присутствии, – заговорщицки прошептала она и сжала под столом кулачки.

Меж тем, загоразивая собой добрую половину зала, которую до этого Лора могла с лёгкостью окинуть одним взглядом, Москвин, действительно, приближался, пока не остановился напротив их столика.

– Лора, ты сегодня просто обворожительна, – обволакивал он мягким бархатным голосом, словно туманом. – Ева Владимировна, – жёстко улыбнулся секретарю, понимая, что отвечать ему не спешат, и придержал ладонью спинку стула Лоры, помогая той встать из-за стола.

– Добрый вечер.

– Слышал о благотворительном вечере в следующем месяце, но до сих пор не получил приглашение на участие. Проблемы с рассылкой?

Мужчина стал к ней непозволительно близко, смотрел в лицо, получая удовольствие от того, как она пытается ему противостоять. Пытается, но делает это неудачно, поэтому и отступает, поэтому и кивает в такт его словам, но при этом не решается поднять взгляд. Москвин спрятал руки в карманы. Выпячивая вперёд грудь, он потянул в сторону один уголок губ, впитывая её внутренний трепет, неоправданное волнение.

– Нет, проблем нет, но приглашительные билеты ещё не получил никто из предполагаемых участников.

– Благотворительный вечер, о котором вы говорите, ещё не утверждён по плану, – вмешалась Ева, поясняя, только Москвин и не думал отступить.

– Надеюсь, ты меня услышала, – проговорил он, чуть надвинувшись, улыбнулся и облизал губы, когда серьёзный взгляд устремился сквозь него.

Только когда мужчина отошёл, Лора снова опустилась на стул.

– И что это сейчас было, Лора Витальевна?

– Это был мужчина твоей мечты, Ева. Понравился?

– Нет, он, конечно, очень притягательный и манящий, но эти его намёки... А правду говорят, что он на вашей свадьбе был?

– Ага, кольца держал. Ева, ты, действительно, думаешь, что...

– Я не думаю, я у вас спросила. Он знаком с вашим мужем?

Лора посмотрела на секретаря пристально и в некоторой растерянности.

– Я это к тому, что если бы его не останавливало что-то мне неизвестное, он бы вас прямо здесь подмял. Такой у него был взгляд. Правда, правда, – покивала Ева, придавая своим словам ещё больше посылы. – И всё-таки вам нужно с ним переспать. Сгорит ведь мужчина.

– Ева, ты меня пугаешь.

– Нет, Лора Витальевна, я всё понимаю, но своими отказами вы его только раззадориваете. Чего добиваетесь?

– Дорогая, у меня очень ревнивый муж.

– Да ничего ваш муж не узнает, если вы сами не проболтаетесь! Вот, Москвин сейчас говорил про благотворительность и всё такое, а в мыслях был явно далеко отсюда. Как думаете, каков он в постели?

– Не думаю, что сильно отличается от манеры поведения в обычной жизни.

– В смысле резкий, дерзкий, деловой?

– Хотя бы.

– Неужели не хотите узнать? Это же не кто-нибудь. С таким не грех и нагрешить. Да простит меня мой учитель русского языка! Тут будет о чём вспомнить. Я ведь не просто так спрашиваю. Поговаривают, что он любит пожестче. Выходит, вы согласны? По поводу его предпочтений?

– Я ни с чем не согласна, а просто высказала своё субъективное, ничем не подкреплённое мнение. Разницу чувствуешь? К тому же... посмотри на него, потом на меня, и сразу же вообрази, что в его исполнении будет пожестче.

Ева, видимо, действительно, это представила, оттого и немного скривилась, бросая на Лору скептический взгляд. Встряхнула головой, оживилась, снова заулыбалась.

– А, правда, что у него татуировка змеи на шее?

Лора вытаращила на секретаря глаза:

– Ты сейчас у меня это спросила?

– Да нет, что вы, у вас же очень ревнивый муж! Я это так, к слову. Вот было бы интересно взглянуть? Хотя я, если честно, не представляю. Он ведь не уркаган какой-то, а приличный человек, ему ведь нужно и на людях появляться, – развела руками Ева, рассуждая, – и вообще. Я бы на вашем месте...

– Ева, я прошу тебя, только не трогай моё место, – Лора приложила руку к груди, выражая молебный жест.

– Да больно надо! Я про место в жизни окружающих вас мужчин. Вот там бы я развернулась! Там бы я...

– Прижала хвост и спряталась под лавку, как и делаю я. Публичность играет против нас, Ева. Сегодня тебя ославляют, а завтра смешивают с грязью. И это естественно. Представь, что бы обо мне говорили, смени я десяток влиятельных любовников?

– Десяток, Лора Витальевна, не нужно. Но с Москвиным...

Лора на очередное напоминание хитро улыбнулась и прищурилась.

– Я поняла. Давай его сейчас позовём и попросим тебя осчастливить.

В азарте она даже оглянулась несколько раз, словно выискивая мужчину взглядом.

– А что? Он ведь деловой человек, там мы и сделаем ему деловое предложение. Сначала тебя, потом меня. Как думаешь, таким красавицам можно отказать?

Лора подняла руку, точно пытается подозвать кого-то и улыбнулась, когда Ева начала оттягивать эту руку под стол.

– Лора Витальевна, хватит. Это ещё надо проверить, у кого тут подмешан мартини. Прекратите же, он нас сейчас заметит! – зло пробубнила Ева, но остановить Лору не успела, Москвин оценил бурную деятельность со стороны и неспешным шагом направился к эпицентру.

Он даже спрашивать не стал, просто остановился напротив и положил ладонь на стол, изображая на лице полнейшее внимание.

– Господин Москвин, у моей помощницы к вам будет деловое предложение. Озвучь, Ева, не стесняйся. А я пока отлучусь, поприветствую вновь прибывших, – вздохнула Лора, пытаясь отыскать таких глазами.

А пока Ева задыхалась от возмущения, а Москвин нескромно улыбался, удалилась в сторону уборных, не забывая выдержать нескромные взгляды со стороны. Перед дамской комнатой она притормозила, услышав раздражённые женские голоса.

– Знаешь, она меня бесит. За что ей столько внимания? Лорочка то, Лорочка сё. Возьтятся, как с писаной торбой! А что она из себя представляет? Нет бы неземная красавица...

– Уродиной её тоже не назовёшь.

– Но не ему ровня! А он хорош... Та стерва только свистнет, как уже у ноги топчется и хвостиком виляет. Словно и не Москвин. Да такому, как он, стоит только пальцем поманить...

– А она-то не идёт.

– Да цену себе набивает! Посмотрите, какая цаца, протеже самого Гастило. Не знаю, кто там у неё муж, а что перед этим ноги раздвигает, я лично не сомневаюсь.

Раздалось странное рычание, которое закончилось усталым выдохом.

– И, помяни моё слово, когда он весь изведётся, к ногтю прижмёт и вертеть будет в ту сторону, в которую самой захочется. Стерва!

– Добрый вечер, дамы.

Лора вошла в уборную, взглядом лишь посмеиваясь над сплетницами. Казалось, именно за это они её и ненавидели. За то, что не боялась посмотреть им в глаза, что говорила всегда

открыто и словом была больно. За то, что шла напролом, не желая тормозить перед обстоятельствами. И сейчас, вместо того, чтобы чувствовать неловкость в присутствии недоброжелательниц, смотрит на своё отражение, думая лишь о том, стоит ли поправлять макияж. Она широко улыбнулась, когда те, так и не удосужившись ответить на приветствие, потеснились и вывалились в коридор.

Глава 4

О случившемся она забыла в следующую же секунду, перебирая в голове какие-то свои мысли, и не сразу обратила внимание на появившуюся сзади хрупкую женскую фигурку.

– Лора Соколовская? – послышалось из-за спины, и Лора с улыбкой обернулась, пытаясь понять, чего от неё хотят.

Опытный взгляд быстро зацепился за необходимые детали: строгий брючный костюм демократичной чёрно-белой расцветки, недорогой, но стильный и аккуратный, спортивные туфли для удобства ходьбы, убранные в хвост волосы. Весь образ дополнял бэйдж с пометкой «пресса».

– Извините, я не даю интервью, – ответила Лора, уловив чужую растерянность. Отвернулась к умывальнику, чтобы ополоснуть руки водой, когда услышала вновь.

– Вы ведь Лора Соколовская! – было сказано тише, но с львиной долей уверенности.

– Послушайте, – замялась она, выискивая имя молодой особы на знаке отличия, – послушайте, Анна, – постаралась Лора вежливо улыбнуться, – я уже сказала, что не даю интервью и...

– Но это не можешь быть ты... ведь тебя нет... – вроде как удивилась девушка сама себе, своим словам и утверждениям. – Но как...

– У вас всё хорошо? – спросила Лора даже не из вежливости, просто этим самым хотела поставить жирную точку в ненужном разговоре.

– А ты изменилась. – Услышала она язвительный тон вместо извинений, после чего так и застыла вполоборота. – Я долго примерялась, прежде чем понять.

– Извините?

Из состояния растерянности девушка перешла к какой-то непонятной решительности и напряжению.

– Что... так, значит... тебя в доме не было?

– Вы меня с кем-то путаете, – жёстко ответила Лора, но девушка вспыхнула как спичка, отступая к стене и вглядываясь в незнакомые черты лица.

– Морду перекроила и, думаешь, никто не узнает? А Женя? Что ты с ним сделала, он жив? – девушка шагнула вперёд, но остановилась, предостерегаемая колючим взглядом.

– Я уже сказала, что вы меня с кем-то путаете и...

– Я по голосу тебя узнала, – перебила журналистка. Достаточно резко. – Ты изменилась, а голос – нет. И внутри всё такая же гнилая! И так натурально сейчас изображаешь удивление... Браво!

Пока Лора пыталась понять, что всё это значит, вдобавок к своим словам девушка присоединила несколько громких единичных всплесков руками, изображая аплодисменты.

– А твой сын? – встрепенулась незнакомка.

– Девушка, послушайте...

– Его ведь тогда тоже не нашли.

– Вы о чём? – приподняла Лора одну бровь, развернулась и теперь стояла к журналистке лицом.

– Я про мужа твоего и сына, – проговорила та с шипящим презрением в голосе и скривилась, окидывая Лору придирчивым взглядом со стороны. – Неприкасаемая теперь, значит, управы на тебя не найдут? Что ты с ними сделала, тварь?! – выкрикнула сумасшедшая, сверкая злобным взглядом. – Что, замену нашла? Прав был тогда Женька: змея ты. Ненавижу! – бросилась она, пытаясь вцепиться пальцами в шею, не ожидая отпора. И тут же была прижата твёрдыми пальцами к стойке умывальников.

Для подавления нападения Лора применила простейший захват, фиксирующий шею противника большим и средним пальцем. Муж обучил. Теперь журналистка шипела от боли и нехватки кислорода, но, прежде чем отпустить её, Лора попыталась разглядеть неменяемую девицу. Длинные светлые волосы рассыпались по плечам, чёрные дорожки туши, смешанные со слезами боли, катились по красным от напряжения щекам. Она ещё пыталась прокричать какие-то угрозы, но теперь выглядела жалко, и сложно было воспринимать их всерьёз. А ещё... ещё Лора пыталась проанализировать услышанное. Всего несколько слов, несколько обвинительных выпадов и вот эта сумасшедшая с полной решимостью попыталась напасть на абсолютно незнакомого человека. Значит, ошиблась. Но назвала по имени, используя девичью фамилию... может, просто неадекватная? Но на бэйдже стоит логотип известного издательства, значит, девушка прошла серьёзный отбор. Что тогда?.. «Просто ошибка» – выдало совершенно спокойное сознание, и захват можно было ослабить.

– Умойтесь и приведите себя в порядок, прежде чем возвращаться в зал, – добила Лора скользящим в голосе равнодушием. – Я не знаю, кто вы и что хотели, но предупрежу охрану. Свой рабочий день можете считать оконченным.

Девушку Лора отпустила, и пока та растирала защемлённую шею обеими руками, свои влажные пальцы вытерла бумажным полотенцем и вернулась к гостям.

За последние три года в её жизни хватало разных казусов, и на данном этапе девушка своими угрозами и обвинениями едва ли выбивалась из серой толпы. Память не выдавала никаких ассоциаций, связанных с её словами, поэтому о происшествии можно было забыть, что, проконтролировав работу охраны, Лора и сделала. Сразу же вернулась за стол, где скучающая Ева ковыряла вилкой салат.

– Нет у него никакой татуировки, – с достоинством сообщила она и улыбнулась. Лора приподняла брови. – Я даже за ворот сорочки заглянула, а там пусто.

– Представляю, в каком шоке был Москвин от твоих вольностей, – проговорила Лора в сторону, бросила на колени свежую салфетку. Так же, с неохотой, посмотрела на представленный салат класса «эконом» и отставила блюдо в сторону.

– А вот и нет! Он сам это предложил. Я спросила: «А, правда?..» А он сказал: «Не знаю, посмотри сама». Представляете? Так что теперь я доподлинно уверена, что это слухи, а вот пахнет от него обалденно. Вот, мужиком. Грубым, решительным, уверенностью пахнет и властью.

– Чем? Мужиком? – сдержала Лора рвущийся смешок.

– В хорошем смысле этого слова, Лора Витальевна... Он, кстати, уехал по делам, просил передать, что не сможет попроситься лично. Отправляется на важную встречу и очень сожалеет, что так и не успел пообщаться с вами наедине. Кстати, я практически уверена, что спроси вы его о татуировке, он бы лично отвёл вас в подсобку и представил на обозрение не только шею, но и всё своё тело.

– Ева, от твоих утверждений у меня пропадает аппетит, – сухо заметила Лора, всё же приступив к закуске.

Некоторое время она провела в относительной тишине, принимая редкие поздравления с успешно проведённым годом, а потом, когда Германов внёс в вечер несколько точных цифр и определённую долю скуки, Ева снова оживилась.

– Лора Витальевна, а вы не знаете, у Юрия Владимировича есть женщина?

Лора, предварительно прокашлявшись, посмотрела в некоторой растерянности.

– Ну, не знаю... любовница... или жена, например, – добавила Ева неуверенно и полупшёпотом.

– Ева, конечно, есть. Может, и не постоянная, но...

– А вы её видели? – резко перебила та и приблизилась в эмоциональном порыве. Лора вежливо отстранилась.

- Ева, ты не считаешь, что это немного неприлично?
- Зато как интересно!
- Действительно, – задумчиво хмыкнула Лора. Аргумент. Только вот Ева была не тем человеком, который останавливается на полпути.
- Интересно было бы посмотреть на женщину, которую он выберет.
- Ты имеешь в виду её моральную устойчивость? – догадалась Лора и расслабилась.
- Конечно! Ладно, Москвин, он просто красавчик, и ему даже стараться не нужно, чтобы привлечь внимание. Тут же, с Гасило другое. Не каждая решится.
- Будет обидно узнать, что он выбирает продажную любовь, не так ли? – Лора улыбнулась, а Ева насторожилась.
- То есть...
- Я просто предположила, дорогая. Люди, Ева, делятся на социальные слои, думаю, здесь я для тебя Америку не открыла. Так и Юрий Владимирович, среди равных себе становится другом, кому-то братом и сыном, кому-то просто любовником. И, поверь, он не обязательно будет страшнее того же Рогозина, который сидит за два столика от нас.
- А этот здесь при чём? – Ева скривилась и предпочла не смотреть в указанную сторону. Лора понимающе кивнула.
- Вот тебе и ответ. Согласись, каким бы авторитетом Гасило не обладал, на него с подобным отвращением смотреть сложно. Есть то, что скрывается от глаз, но не скроется от... интуиции, к примеру. Я к тому, что не так страшен чёрт, как его малюют.
- Вам, конечно, виднее...
- Ева на некоторое время угомонила, переваривая полученную информацию, даже покосилась в сторону Рогозина. Она решительно вздохнула, вроде бы отвлекаясь на другие мысли, но снова наткнулась взглядом на начальницу.
- Лора Витальевна, а почему у вас нет детей? Вы просто невероятно меняетесь в их присутствии. Я сейчас заметила, как вы смотрели на фотографии, которые подобрал Германов – нет слов. Не хотите или не получается?
- Лора посмотрела на секретаря абсолютно серьёзно и несколько раз удивлённо моргнула.
- Я никогда об этом не задумывалась, – ответила она с некоторой ноткой растерянности в голосе и на секунду замерла. – Я, действительно, никогда не думала о детях, – повторила твёрже, и в памяти всплыл неприятный инцидент с журналисткой, который она тут же попыталась стряхнуть, как ненужный груз. – Не знаю, наверно, глупо будет, если скажу, что дети появляются вдруг. Но, думаю, это самый верный способ. В моей жизни практически не бывает случайностей. Может, поэтому детей и нет?
- Я думала, каждая замужняя женщина мечтает о настоящей семье.
- Я не настолько деликатна в этом вопросе.
- Да вы, Лора Витальевна, в любом вопросе действуете достаточно резко, – заметила Ева абсолютно серьёзно. – Я этому каждый раз поражаюсь. Вот, есть ведь в вас женственность, но если что-то касается действия или принятия решения, вы об этом словно забываете.
- Да уж, вздохнуть, глядя в окошко, мне не подходит.
- А дома, с мужем, вы такая же?
- А дома я с мужем, и принимать решения мне не нужно.
- Что, становитесь нежной и ласковой? – с недоверием покосилась секретарь, на что Лора понимающе улыбнулась.
- Нужно уметь фильтровать информацию, дорогая, тебе ли этого не знать? На работе я работаю, я руководитель, ответственное лицо, и от моих решений зависит большое количество людей. Дома такой потребности никто не испытывает.
- Даже представить не получается, что вы можете быть на вторых ролях.
- То есть в равноправие ты не веришь?

– Я не верю мужчинам, которые сначала обещают золотые горы, а потом вручают веник и половую тряпку перед тем, как уйти на работу.

– Ты ведь не была замужем? – удивилась Лора, на что секретарь абсолютно безобидно фыркнула.

– Но это не значит, что я не жила в семье! Моя мама окончила ВУЗ по специальности тележурналистика и по его окончании имела прямую наводку в одну из популярнейших студий того времени. Но не вовремя вышла замуж и по совету будущего супруга пошла на бухгалтерские курсы, потому как «светить лицом» для замужней женщины неприлично. Вот, представляете, какая дура?

– Если такой выбор принёс ей счастье...

– Если бы такой выбор принёс счастье, она бы не развелась спустя пятнадцать лет, Лора Витальевна и, уж тем более, не осталась бы на улице. Сейчас моя мама работает режиссёром на центральном телеканале города, ездит на БМВ последней модели и сама выбирает себе любовников. И теперь счастлива. Но каждый раз, оставаясь хоть на мгновение в одиночестве, она вспоминает, как бездарно провела те самые пятнадцать лет своей жизни. А я так не хочу!

– Я счастлива в браке, – мгновенно сориентировалась Лора, но Ева продолжила напирать.

– Все счастливы до поры до времени. Так и вы, не обращаете внимания на его частые командировки, молоденьких секретарш, которые давно знают о вашем супруге намного больше достоверной информации. Так сказать, от первого лица. Вы заняты собой и своим делом. И не замечаете, как жизнь проходит мимо. И наверняка варите ему вкуснейший борщ...

– Нет, Ева, я не варю ему борщ, не глажу сорочки и не складываю документы в папку перед работой. У меня дома целый штат прислуги, которая занимается всеми этими вопросами, в то время как я занимаюсь своим мужем.

– И считаете, что это нормально? Я в том смысле, что его это устраивает?

– А почему нет? Он сыт, одет, спит на свежей постели, а жена при этом рядом и в хорошем настроении. Что его в этом может не устраивать? И если ты хочешь, чтобы у тебя в жизни был такой же мужчина, не ищи среди тех, которые, ухаживая, восхищаются, откуда же у тебя берётся столько времени... м-м... допустим, для того, чтобы писать картины. А спустя пару недель совместной жизни удивляются, что, кроме картин, у тебя времени не хватает ни на что другое, и требуют сварить тот самый борщ. То есть это зависит от мужчины: либо он строит из себя дурака и, якобы, не понимает необходимости твоего самоутверждения, либо он любит и делает тебя счастливой.

– Вы сейчас пытаетесь описать какой-то идеал совместной жизни. Разве мужчины такие бывают? Мне всегда казалось, что их девизом были слова: пришёл, увидел, под замок!

– Я думаю, каждый сам выбирает свою судьбу.

– Ага, а кто-то лепит тебя по образу и подобию, – невзначай проронила Ева, и Лора поджала губы.

Её жизнь не была идеальной. То есть всё было именно идеально, и вся эта идеальность никак не вписывалась в привычную картину мира. Её муж... он смотрел на Лору, точно на икону. Не обожествляя, а словно наслаждаясь её образом, словно и сам очищается рядом с ней. Расслаблялся, становился мягким и податливым. Но таким он не был. Ей ли не знать, чего может стоить одно неверно принятое решение? Сотрёт с лица земли любого неугодного, раздавит, уничтожит и тут же улыбнётся ей умиротворённой, спокойной улыбкой. Напоминая взглядом, что всё хорошо. Всё так и должно быть. И она верит, потому что рядом с ним забывает обо всём. Потому что растворяется в нём. Потому что не представляет без него свою жизнь. Потому что такая же, и решения принимает не менее жёсткие, если того требует дело.

Глава 5

– Лора Витальевна, приехали, – коротко оповестил водитель, стоя у массивного крыльца дома.

Спустя несколько секунд дверь с её стороны открылась.

– Приятного вечера, Лора Витальевна, – услышала она позади и немного нервно кивнула в его сторону, даже не оборачиваясь.

А дома... дома уже манил запах любимого мужчины. Зная, что муж не дождался её в спальне, Лора направилась в сторону кабинета и даже за закрытой дверью смогла расслышать лёгкие мотивы расслабляющей мелодии. Ладонь сама опустилась на резную изогнутую ручку, нажимая на её край. Лора сделала шаг вперёд и, прикусив губу, засмотрелась на напряжённую спину мужа, а он, уже зная, что в кабинете не один, не отвлекался от своего занятия.

– Не очень расстроился, что дома никто не ждёт, и решил начать без меня? – провела она рукой по напряжённым мышцам, мешая отжиматься. Он только шумно фыркнул, смахнув её лёгкое прикосновение резким рывком вверх.

Лора отошла к столу, присела на его край и продолжила наблюдать.

– Я тебя сегодня не ждала, – проронила она, пытаясь добиться внимания. – Ты ужинал?

– Малыш, две минуты и я весь твой, – тяжело пропыхтел мужчина, отсчитывая упражнения, пытаясь уравновесить дыхание, сбившееся от незапланированной нагрузки.

– Всё хорошо? – тихо уточнила Лора, сдерживая желание прокричать и получить долгожданный поцелуй.

– Лора! – предостерегающе рыкнул муж.

– Если сейчас не остановишься, твои мышцы лопнут и вот тогда мой красавец-мужчина действительно выйдет из формы, – заметила она как бы между прочим и грустно улыбнулась, когда вместо ответа услышала размеренный шёпот, ведущий обратный отсчёт. – Дорогой, я хочу частичку тебя, – сделала она пару шагов и присела рядом, провела ладонью по волосам. – Тебя не было неделю. Я соскучилась, – проговорила настойчиво и с силой надавила на спину, мешая двигаться.

Давила до тех пор, пока он не сдался и с громким недовольным рыком не рухнул на пол. Только тогда убрала руки и вернулась к столу, мужчина же, так и оставался на полу, разглядывая её снизу. Видом остался доволен и вполне мог похабно улыбнуться, но вместо этого устало закрыл лицо ладонями.

– Малыш, меня не было неделю, – вымученно простонал он, соглашаясь с вышесказанным. – И представляешь, как Я!.. соскучился?

Мужчина резко поднялся и посмотрел прямо в глаза. Подошёл ближе, вскинул руку и удовлетворённо улыбнулся, когда Лора сама опустила лицо в широкую ладонь, пытаясь его грубое движение превратить в ласку.

– И скажи спасибо за то, что я у тебя такой замечательный и сбил спесь. Иначе завтра на работу тебе бы идти не пришлось.

– Спасибо за то, что ты у меня такой замечательный, – мягко улыбнулась Лора. – Но я, действительно, соскучилась и хочу тебя прямо сейчас. Что скажет на это твоя сбившаяся спесь?

– Она говорит, что ты сильно нарываешься.

Приблизился он губами, словно в желании поцеловать, но остановился в миллиметре от них, выдыхая приглушённое рычание.

– Я в душ, – предупредил, но тут же взял жену за ладонь, спрятанную за спину, и потянул за собой на лестницу.

Он был жутким собственником, смертельно ревнив и бесился даже от того, что кто-то может просто смотреть на его жену. Потому и не появлялся в обществе рядом с ней надолго.

Но не мог что-то запретить, и единственным условием оставалось то, при котором она была обязана смыть с себя не только чужие прикосновения, но и взгляды. Смыть, если не хочет, чтобы он содрал эту кожу живьём. Так однажды и сказал. Сразу после свадьбы. Она запомнила.

Так и теперь, волоком тащил в ванную комнату, чтобы с головой погрузилась под воду, чтобы не осталось ни одной клеточки её тела, которая могла бы помнить других мужчин. Закрыл на замок дверь спальни, как делал всегда. Потому что терпеть не мог, когда им мешают. И это были правила, выработанные годами. Все пять лет упоения её телом, её запахом, её присутствием в своей жизни.

– Ванна с лепестками роз? – застыла на пороге Лора, маняще приоткрыв губы.

Тут же подошла, опустила кончики пальцев в воду, чуть сморщила идеальный носик.

– Горячая, – стряхнула она обжигающие капли и обернулась.

– Не знал, когда ты придёшь, и представил, как глупо буду выглядеть с кипятивником в руках, – пояснил муж без доли шутки, задержал дыхание, после чего одним движением обнажил тело, потянув за резинку спортивных штанов.

Он скрипнул зубами, глядя на жену, и буквально влетел в душевую кабину, врубая воду на полную мощность. Простонал, когда на разгорячённую кожу полились первые, болезненно ледяные капли.

А Лора, с улыбкой глядя на мощное натренированное тело, ловко стянула платье вместе с бельём и шагнула следом, не оставляя сомнений. Он несколько раз шумно выдохнул, не желая поворачиваться, когда тонкие ладони обвили торс, не прекращая поглаживать рельефные мышцы. Упирались обеими руками в стенки кабины, и только когда нежные пальчики обхватили возбуждённый член, до боли сжал то самое запястье, разворачивая, притягивая Лору к себе, вжимая в стенку душевой кабины всем своим весом. Несколько раз предупредительно потёрся о дрожащее тело, не глядя в глаза, а лишь чувствуя её. После помог стройным ножкам обхватить себя за бока и вот тогда толкнулся. Всего один раз. И замер, давая время привыкнуть, отдышаться. Злость понемногу отпускала.

– Твои соски выпирали из-под ткани платья, – проговорил он словно без эмоций, но с явным обвинительным вердиктом.

Лора беззаботно повела плечом и легко улыбнулась:

– Всеми виной ванна... и твой взгляд.

Новый резкий толчок заставил стиснуть зубы и закрыть глаза, переживая секунды болезненного напряжения. Острые ногти в ответном жесте впились в кожу, раздирая её до крови.

– Хочешь возразить ещё? – прошептал муж, прижимаясь щекой к её щеке, и языком подцепил мочку уха с аккуратной серёжкой. Посасывая нежно, мешал не то, что возразить, даже думать в этом направлении, и уже начал медленно двигаться, когда она прошептала:

– Да.

– Что «да»?

– Возразить, – сглотнула Лора. – Хочу.

Она громко охнула – от очередного порывистого движения хотелось согнуться пополам, но была распята тяжестью мужского тела, и пришлось медленно считать звёзды перед глазами.

– Рискуешь, малыш, – предупредил муж и тут же усмехнулся, улавливая немного несвязные, но до отвращения уверенные кивки головы.

– Знаешь ведь, что никто, кроме тебя, не возбуждает...

– А я всё равно не хочу, чтобы кто-то видел твои соски. Понятно? Наше тело так устроено, что они, – мужчина больно зажал между пальцами сосок левой груди, – реагируют не только на возбуждение, но и на холод.

Лора покачала головой.

– Рядом с тобой горячо!

Она закрыла глаза, привыкая к саднящим ощущениям, и медленно выдохнула, когда муж погрузился на всю длину. В этот раз аккуратно, медленно, зная, что женское тело до сих пор не подстроилось. И так же аккуратно вышел, отпуская и заставляя её отпустить. Развернул лицом к стене и помог поставить руки в упор, придерживая за запястья. Провёл губами по щеке, пытаясь поймать поцелуй, но Лора была слишком расслаблена, чтобы улавливать его желания. Чуть прикусил за плечо, вызывая слабый стон и резко вошёл, придерживая за талию обеими руками. Теперь оба понимали, что передышки не будет.

Он смотрел на её спину, на то, как вздрагивает хрупкое тело, чувствовал, как она сжимается изнутри, но хотел большего. Хотел отдачи. Знал, что сейчас Лора поддаётся, уступает, потому что спорить нет ни сил, ни желания. Оттого и бесился. И трахал, намерено жёстко натягивая на себя. Хотел подчинить, подмять, заставить!.. И в то же время сходил с ума от того, насколько она нежная и ранимая. Насколько сладкая, когда закусывает край нижней губы, и в этот момент её стоны приобретают другой оттенок. Становятся длинными, переходящими из одного в другой.

Он смотрел, как по гладкой поверхности скользят маленькие ладошки, оставляя за собой чёткий след. Но Лора никогда не сдастся, потому что сильная, потому что его, потому что знает, что он не позволит. Из ада выдернет одним лишь взглядом. Отберёт и у Бога, и у чёрта. И продолжал толкаться в податливое тело, даже когда у самого всё стягивалось внутри болезненным узлом. Одна ладонь сползла вниз, с давлением проводя между её ног, но ответная дрожь показалась слишком слабой, не яркой. Не такой, как она сама. И тут же глаза загорелись пламенем. Как он говорил?.. Из ада достанет? Да. Как раз после того, как сам же туда и отправит.

Свободная рука прошла по телу, повторяя его изгибы и плавные линии. Задевая твёрдый сосок, сжала грудь, а потом резко, так, чтобы Лора ничего не успела понять, пальцы сдавили горло. Тело в его руках подбросило в судорожной конвульсии. Отпустил. Совсем ненадолго, на долю секунды, чтобы тут же сдавить ещё сильнее, ровно до тех пор, пока не почувствует, как ослабевает пульс, как этот пульс пытается потеряться... и снова отпускает только для того, чтобы сжать третий раз. Сильно. Болезненно. Но всего на мгновение. А в следующую секунду прижать её к себе с такой силой, чтобы не потерялась в оргазме. Чтобы всем своим телом почувствовать, как в её груди зарождается протестующий крик, чтобы кончить под давлением мощного голоса, и простонать, прижимаясь губами к её щеке.

Ещё несколько секунд после, они стояли обнявшись, восстанавливая дыхание, ровно до того момента, как в кроткой хрупкой женщине не зародилась тигрица. Не оборачиваясь, не разворачиваясь в его объятиях, Лора впиалась ногтями в напряжённое плечо мужа, царапая кожу. И давила ровно до того момента, пока не почувствовала тёплое дыхание на своей шее.

– Ты обещал, что никогда больше так не сделаешь, – проговорила она каменным голосом.

– Ты даже не представляешь, как выглядишь в этот момент, и просто не можешь понять, от чего заставляешь отказаться, – хмыкнул мужчина, разбавляя размеренное дыхание своим мощным, но горячим и порывистым.

В ту же секунду Лора оттолкнулась от его груди, метнулась к зеркалу, резко провела ладонью по запотевшему стеклу, пытаясь всмотреться в размытое отражение. Дотронулась кончиками пальцев до покрасневшей кожи и стиснула зубы, понимая, что останется синяк.

Муж подошёл со спины и дотронулся до тех же мест, только аккуратнее, намного легче и нежнее, нежели она секунду назад. Посмотрел в глаза её зеркального отражения.

– Отмени все встречи, – предложил тихо.

Получилось рассмеяться, когда вместо ответа прилетел огненный взгляд.

– Побудешь дома. Со мной, – добавил он более соблазнительно и помассировал её плечи, чувствуя, как в них спадает напряжение. – Ты очень красивая, – прошептал и мог с точностью до секунды определить момент, когда испортил прелесть мгновения.

На скулах заиграли желваки, а глаза закрылись в беспомощном жесте. Он приткнулся губами к виску и просто обнял Лору. Просто обнял, только сделал это настолько сильно, чтобы она и подумать не могла ни о чём другом, кроме этих объятий.

– Кажется, вода в ванной не покажется тебе настолько горячей, – улыбнулся он и отпустил, провёл кончиками пальцев по линии спины, коснулся ягодицы. Практически невесомо и слишком трепетно. Так на него непохоже и так знакомо одновременно. И все лишние мысли вмиг слетели, позволяя отпустить тормоза и улыбнуться.

– Я буду нескоро, – тихо ответила Лора, глядя на то, как он удаляется от неё в зеркальном отражении.

Ещё раз провела пальцами по нежной коже шеи, кивая в такт своим мыслям: синяки всё же останутся; и тут же улыбнулась, понимая, насколько он прав. Действительно, не знала, как выглядела в момент такого оргазма, но с точностью могла подтвердить, что ничего подобного при других условиях не чувствовала.

Оставшись совершенно одна, Лора оглянулась на широкую ванную и не смогла устоять перед манящим ароматом роз. Она перешагнула невысокий бортик на возвышении, опустилась в успевшую остыть воду и блаженно закрыла глаза. Так она могла провести несколько часов. Периодически сменяя, наполняя ванну, замещая остывшую воду на более горячую, практически обжигающую, пока тело не отзывалось томительной усталостью.

Муж уже лежал в постели. Он никогда не занимался делами дома. Даже его рабочий ноутбук оставался ночевать в автомобиле, на тот самый крайний случай, когда необходимо срочное вмешательство. За это Лора была ему благодарна. За то, что делал выбор в её пользу, в пользу дома и уюта, в котором нет места ежедневной суете. Он мог не приехать ночевать, если того требовали обстоятельства, мог вернуться глубоко за полночь и до утра просидеть в кабинете за размышлениями, но не смел нарушить её покой вот так, когда они оставались наедине.

Прогнувшись, словно кошка, Лора маняще потянулась, вызывая его внимание и улыбку. Добившись желаемого, устроилась рядом и посмотрела в глаза, которые намеренно не выражали никаких эмоций. Разгладила одинокую морщинку на лбу.

– Ты всё ещё злишься?

– Я никогда не злюсь на тебя, Лора. Ты знаешь. Но мне неприятно каждый раз напоминать тебе об этих мелочах.

– А может, мне нравится, как ты ревнуешь? – вызывающе приблизилась она к мужским губам, словно его слова и не охладили пыл.

– Только в том случае, если ты желаешь увидеть кого-то из поклонников у своих ног. Знаешь ведь, что могу организовать. Только едва ли кого-то из них прельстит вариант так закончить свою никчемную жизнь.

– Ты выбираешь крайности, – примирительно прошептала Лора и коснулась ладонью его щеки, зная, что не отмахнётся. Слишком хорошо он понимал, как быстро может закончиться её благодущие.

– Это правила, по которым я живу.

– Ты всё-таки злишься, – уличила Лора, улыбнулась такому факту и резво устроилась под его боком, развернувшись к мужу спиной. Выдохнула, ощутив, как тяжёлая ладонь медленно и, словно нехотя, опускается на её бедро и чуть тянет вверх прозрачный шёлк.

Она недолго помолчала, обдумывая сегодняшний вечер, и напряглась, припомнив незначительную для постороннего взгляда деталь. Чуть повернула голову в сторону, чтобы ярче чувствовать мужа, и уловила изменение в его спокойном дыхании, понимая, что он тоже заметил этот интерес.

– А ты хочешь детей? – спросила Лора слишком тихо, несколько скомкано и будто под видом некоторого безразличия.

Муж замер, но всего на секунду. Ладонь поднялась выше и согрела своим теплом низ живота. Дыхание выровнялось, и его тяжёлый выдох показался Лоре бесконечным.

– Почему ты спрашиваешь? – прошептал он вместо ответа, касаясь губами кожи за ухом, приткнулся носом к всё ещё влажным волосам и отвлёк от напряжения лёгким поглаживающим движением. Лора облегчённо вздохнула и несмело улыбнулась.

– Ева... мой секретарь, – скоро пояснила она, – спросила, почему у нас нет детей, а я, представляешь, – Лора несмело усмехнулась, – даже не знала, что ей ответить. В итоге пожалала плечами, пытаясь подобрать что-то более-менее вразумительное. А потом вдруг поняла, что никогда прежде об этом не задумывалась. Мы никогда этого не обсуждали, хотя вместе уже почти шесть лет. Странно как-то...

– Лора, а ты хочешь детей? – повторил он её же вопрос, только немного иначе, не со страхом и якобы лёгкостью, как получалось у самой Лоры, а серьёзно. Так, как мог спросить только он. Словно в жизни нет ничего важнее... Спросил и тут же впитал разросшееся с немалой силой напряжение, исходящее от неё. Наклонился вперёд, касаясь губами уголка рта.

– Ты сама ответила на свой вопрос, малыш. И к этому пока просто не готова.

– А ты... ты хочешь детей?

– Ты ещё боишься, и я не давяю. Но как только решишься, у нас будут дети. Я тебе обещаю.

– Спасибо... – ответила Лора немного растерянно и отвернулась, подобрав колени. Он слишком хорошо знал этот её жест, чтобы промолчать.

– Что ты почувствовала, когда я спросил о детях, малыш? – сжал он её чуть сильнее, напоминая, что рядом, что с ней.

– Страх, – вышло из Лоры как-то легко. Как всегда, если чувствует уверенность мужа. – Не тот страх, который могут испытывать перед беременностью и ролью матери. Необъяснимый страх, – пояснила она и в подтверждение слов, поёжилась, пропуская через своё тело неприятную дрожь.

– Всё пройдёт, – прошептал муж, сжимая ещё сильнее, так, чтобы отвлеклась от своих мыслей, и попытался заглянуть в глаза. Понял, когда она отказалась, опустив дрожащие веки, и с тяжестью опустил подбородок на тонкое плечо. – Когда ты встречаешься с Русланом?

Лора только сильнее зажмурилась, пытаясь отгородиться от реальности, и до боли в челюсти сжала зубы. Не хотела об этом думать, не хотела отвечать, и лишь молчание, которое становилось напряжённым, напоминало о неизбежности происходящего.

– В следующую пятницу.

– Я буду дома, – внушительно проговорил мужчина, пытаясь её встряхнуть. – Лора, слышишь?

– Да...

– Сколько дней он назначил на этот раз?

– Четыре.

Муж скрипнул зубами.

– Я хочу с ним встретиться, поговорить.

– Не нужно, пожалуйста... Я очень устала. Я хочу, чтобы всё поскорее закончилось, – проговорила Лора безвольным монотонным голосом и выдохнула, когда чужое тепло стало таким далёким. Обернулась: муж сидел на краю кровати с её телефоном в руках.

– Всё будет хорошо, – накрыла она своей ладонью его пальцы, мешая набрать знакомый номер.

– Почему четыре? В прошлый раз было всего два!

– Я попросила... – проронила Лора и замолчала на полуслове, повисла на широких плечах, легко приобнимая их ладонями.

– Лора!

– Руслан сказал... – выдохнула она и закрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями, а потом сжала его плечи слишком сильно. – Потому что снотворное уже не помогает!

Муж резко обернулся, Лора скривилась, отворачиваясь, только этот взгляд чувствовала даже сквозь закрытые веки.

– Сны больше не уходят. Только становятся мучительнее, – пояснила она, качая головой, болезненно кривя лицо. – Я всё чувствую, но из-за действия препаратов не могу ничего с этим поделать. Проснуться не могу. А на утро мало что помню. И не остаётся ничего, кроме бешеной усталости.

– Как давно?!

– Вторую неделю.

– Но ты мне не сказала, – глянул с укором муж, на что Лора улыбнулась.

– Я устала, правда, устала. Не могу больше, – прижалась она к мужу сильнее, проводя ладони под его руками, обнимая с боков. Прижалась губами к шее и не смогла избавиться от его напряжения даже в таком положении.

– Я буду рядом, – успокаивающе проговорил он, но так и не расслабился. Погладил ладони, её скрещенные пальчики с тонким обручальным кольцом на одном из них, и вытолкнул своё напряжение вместе с воздухом. – Я должен тебе кое-что рассказать, только... просто выслушай, хорошо?

Они устроились на кровати, как и за несколько секунд до этого. Он говорил долго. Очень тихо, даже шумным дыханием не желая нарушить шаткую стабильность. Гладил ладонью по линии рёбер, по бедру, а потому уткнулся носом в её шею и втянул сладковатый аромат духов, который всегда оставался на коже. Он запомнил его ещё при первой встрече и не мог сдержать улыбку до сих пор. Знал, что Лора не спит, но не мешал ей побыть наедине с собственными мыслями, планами, впечатлениями. Даже не догадываясь, о чём она может сейчас думать, но, чувствуя зародившуюся в теле лёгкость, надеялся на лучшее.

А думала она о разговоре с Верой Петровной. И улыбка не могла сойти с губ. Потому что Лора вспомнила такие сладостные и магические ощущения, ощущения лёгкости и всеисильности над этой жизнью. Она вспомнила мужчину, при взгляде на которого впервые сказала «люблю».

Глава 6

– За отличный результат и максимальное количество набранных очков, в дисциплине... золотой медалью награждается Лора Соколовская. Она же удостоивается права представлять нашу страну на юношеских сборах Мирового уровня. Победительницу турнира поздравляет заместитель министра обороны, генерал-лейтенант...

Дальше она даже не слышала. Да она, казалось, не слышала и этого! И перед глазами лишь яркий свет и мощный голос ведущего, вещающего на весь стадион её имя. Она на первом месте пьедестала, в самом центре столицы Родины, в центре целого мира! Поймала за хвост ускользящую удачу, зубами вырвала эту победу и теперь стоит и улыбается, а на глазах слёзы. Впервые за последние полгода, слёзы счастья. И внутри всё разрывается от нехватки воздуха, потому что вздохнуть не может. Потому что оцепенела от мощного заряда энергетики всего зала, от силы их поддержки. Наклоняется, чтобы получить заслуженную награду, и замирает, перехватив заинтересованный мужской взгляд. Ничего перед собой не видела, а этот взгляд заметила. Уверенная улыбка коснулась строгого разреза губ, и он проговорил два слова.

– Молодец, девочка!

Похвала. Два слова, которые заставили потеряться и забыть, где находишься.

Уже в следующее мгновение он стал самим собой, но этот взгляд, эта улыбка... она их запомнила на всю жизнь. Потом были многочисленные пожелания и признание со стороны администрации, которая и помогла выступить, поддерживая материально. Были бодрящие и не самые культурные высказывания тренера, его впечатления, сопровождаемые бурной жестикуляцией и ярким румянцем щёк, гиперемией шеи. Были поздравления тех, кто совсем недавно являлся соперником. И странная, непривычная суматоха, к которой Лора вроде уже должна привыкнуть, но никак не могла. Каждый раз казалось, что ещё вот-вот, ещё один выстрел и удача отвернётся. Но она побеждала. Район, город, республика, вся страна. Она всегда побеждала, потому что ничего в жизни не осталось... в четырнадцать лет. Она была одна, в незнакомом городе, среди незнакомых людей. В жестокой жизни, в которой всё идёт по таким непонятным для маленькой девочки правилам.

А дальше небольшой банкет, ночь в дешёвой, удалённой от центра гостинице, и поезд назад. Домой. Или в то место, которое вдруг стало ей домом. И там не будет этой атмосферы вечного праздника, а будут тренировки. Долгие и напряжённые. Потому что Лора уже сейчас усвоила: чтобы чего-то добиться, нужно отдать себя, свои силы, свои желания. Положить их под ноги и переступить на пути к заветной цели.

– Так, молодец, Лорка, хватит на сегодня. Как рука? – тренер подошёл и уверенными движениями нажал на известные слабые точки тонкого запястья.

– Спасибо, Александр Петрович, уже лучше, – несмотря на то, что поморщилась, ответила Лора.

– А-то! – гордо потёр выпирающий живот тренер, помня, что ещё неделю назад к руке нельзя было прикоснуться, так болела. – Я же говорил: поможет. У меня жена хоть и недалёкая, но в этом понимает. Сама этот гриб выискивала, когда к матери ездила. А он, гад, вонючий, – мужчина натурально скривился, – аж душа наружу просится! Да и водку перевела... Видишь, вот, тебе пригодился. Ты, если что, обращайся. Она этой гадости на целую армию набодяжила. Раны заживляет, ревматизм лечит, а в глобальной паутине сказано, что настойке этой под силу даже раковые опухоли. Так что не дрейфь, прорвёмся!

– Да, Александр Петрович, прорвёмся, – бодро отозвалась Лора, вытирая застывший в плохо отапливаемом стрелковом тире нос.

Она сдала тренировочное оружие под роспись, напоследок поглядывая на так называемый трофей, полученный после победы на областном соревновании. Поджала губы, когда тренер взглядом напомнил: «Ну, ты же понимаешь...». Она понимала и потому молчала. И благодарить была готова, что с ней занимались.

– Подождёшь меня полчаса? Я ключи сдам, журналы наши подотчётные заполню и подвезу. Нечего по темноте шастать, – оглянулся он, услышав шорох собранных вещей, звон колокольчиков миниатюрного рюкзака.

– Да тут идти... – Лора махнула рукой. – А дворами, так и вовсе минут десять. Пока освободитесь, уже десятый сон видеть буду.

– Ну, как хочешь. Смотри только мне, осторожно. И не через дворы, а по освещённой улице!

– Слушаюсь, Александр Петрович! – приложила Лора строго прямую ладонь к голове, в шутовском жесте.

– Да иди уже, клоун!

Свет в тренерской ещё горел, когда Лора вприпрыжку спускалась по ступенькам тира. Она затянула бегунок молнии толстой ветровки под самое горло, надеясь перетерпеть первые ноябрьские морозы. Натянула на ладони рукава свитера и, глядя под ноги, пошла давно знакомой дорогой. Детский дом, в котором Лора жила последние полгода, располагался на соседней улице, а возвращаться после десяти разрешали по особому распоряжению. Всё-таки гордость города! И под поручительство тренера, который каждый вечер обязался подвозить её к самым воротам. Но он, то спешил по своим делам, то, как и сегодня, задерживался допоздна, а то и вовсе был без машины и напрягать его лишний раз не хотелось. Да и что, в конце концов, могло с ней случиться? В тихом районе, в котором не то, что каждая собака знала Лору, а даже каждый житель окрестных домов. Потому что последние три месяца доблестные репортёры не снимали её лица с первых полос захудалой газетёнки.

Она шла, просчитывая в уме последние данные, пытаясь вспомнить корректировку по ветру на открытом участке предстоящих соревнований, сравнивая советы тренера с тем, что сама читала в специальных пособиях, которые выписывала на почте за те деньги, что удалось припрятать. И не совсем поняла, что происходит, когда рядом, с визгом тормозов остановилась машина – яркий представитель отечественного автопрома. В некой прострации Лора наблюдала, как из неё выскакивают двое мужчин в самодельных масках. Чётко видела, как один из них, возвышаясь, замахнулся первым, и в нормальной защитной реакции закрыла голову руками.

Потом был удар, боль и её крик. Хруст и треск. А следующие удары наносились, казалось, с большей силой и, как потом скажет усатый следователь, целенаправленно. Били по рукам. От охватившего шока, Лора не могла сказать, закончилось ли это быстро или продолжалось бесконечно, но в память яркой волной врезался звон тяжёлого металла, ударившегося о сухой от мороза асфальт. А потом было короткое и грубое: «Валим!»

Дальше слёзы, снова боль... Но теперь ещё сильнее, потому что шок проходит, потому что терпеть невозможно! Были подступающие одна за другой волны тошноты, смешивающиеся со слезами, хриплые крики и призывы о помощи. Те самые призывы, которые в тихом районе не слышны тем, кто ложиться в девять часов спать. Потому что завтра к семи нужно бежать на работу! А после... наверно, на какое-то время Лора теряла сознание, потому что следующей чёткой мыслью было понимание, что она в машине скорой помощи. Боль теперь сковывала всё тело, сухие потрескавшиеся губы, разрывающееся от отёка горло. Но страшнее было чёткое осознание того, что это конец. Конец чего-то очень важного.

Уже потом, спустя год, она будет понимать, что эти мысли стали началом одного большого конца её маленького света. Когда после множества операций пальцы не сгибались и были растопырены в разные стороны. Некоторые из них скрючены уродливой дугой, а мизинец на

правой руке при истерике и нервном стрессе, в который превратилась вся её жизнь, от судороги выворачивало в обратную сторону.

Лора думала, что уже разучилась плакать. Она часами смотрела в окно, не стараясь предугадать погоду: её тело предвещало о любых переменах задолго до того. Руки в суставах выворачивало буквально наизнанку за несколько суток до дождя, ветра, магнитных бурь, которыми грозился диктор с телевидения. Жизнь остановилась примерно между четвёртым и пятым шагом крошечной палаты, выкрашенный в убогий грязно-синий цвет. Это сейчас стены выглядели оптимистичнее, а когда она только заселилась, были серыми и обшарпанными.

Следователь за этот год приходил всего лишь два раза. Первый – чтобы снять показания, второй – чтобы сказать, что в связи с отсутствием улик дело приостановлено. Обо всех последующих изменениях он обещал уведомлять в письменном виде представителей органов опеки.

Каждый следующий день походил на предыдущий, сменялся ночью и наступало утро. Ровно то же, что было вчера, позавчера... Медсёстры жалостливо смотрели ей вслед, врачи отводили взгляд, сетуя на то, что они сделали всё возможное. Седой лысеющий главврач успел предупредить, что её выписывают на домашний режим. Но все понимали: ему просто надоело каждый раз смотреть ей в глаза. Лора это чувствовала. И даже не было обидно. Она не смирилась, она всё ещё чего-то ждала... наверно, чуда... но с течением времени всё отчётливее понимала, что чудеса в её жизни подошли к концу.

Перед выходными приезжала директриса детского дома, улыбалась и обещала по достижению совершеннолетия устроить Лору в хороший дом инвалидов, который в области. Там платили пенсию. Этими деньгами больные могли распоряжаться самостоятельно, а желающим предоставляли работу. Лора сделала вид, что обрадовалась новости, съела с «особой любовью» нарезанное дольками яблоко, стараясь мысленно успокоить правый мизинец, который уже пульсировал болью. За последние пару месяцев она практически научилась подавлять негативные эмоции, но сейчас никакой самоконтроль не желал поддаваться.

А вот в понедельник утром, когда заботливые медсёстры уже упаковали нехитрый багаж в тот самый рюкзак с колокольчиками и небольшой пакет, пожертвованный раздатчицей, всё вдруг изменилось. У пакета на боку была приличная по размерам дыра, заклеенная широким белым пластырем, и оптимистичная фраза, выведенная белыми буквами на тёмно-синем фоне. Эта фраза изменилась по принципу известного мультика, в котором корабль «Победа» был переименован и носил название «Беда». Такой ассоциации Лора невесело хмыкнула, но комментировать не стала. Терпеливо ждала, когда же её заберут, морально была готова к скорым издёвкам и подколам. Даже здесь, в больнице, где все, казалось бы, взрослые люди, за её спиной нередко хихикали, пытаясь подавить откровенный смех, чего уж ожидать от детей, который в жизни ничего, кроме жестокости, не видели. От унылых мыслей не хотелось находиться в замкнутом пространстве, хотелось сбежать на простор, на воздух, но нужно было ждать...

Так вот, именно в этот день, когда рюкзак уже висел на её плечах, а пакет, повязанный по типу торбы, болтался и неприятно молотил по колену, во дворе больницы и появился странного типа автомобиль. Точнее, странным он не был – машина директрисы, но выглядел немного иначе: отмытая, отполированная до блеска, с новыми глянцевыми дисками и светлой тонировкой стёкол. Из-за руля увесистым шагом вышел её муж, сама директриса элегантно выплыла с переднего пассажирского сидения. Она бесцеремонно кивнула медсестре в сторону Лоры, без слов говоря о том, что приехали за «этой». Усадили Лору в машину, а через полчаса, с пакетом документов и папкой рентгеновских снимков, вернулись и сами. Мужчина что-то ворчливо пропыхтел, а директриса на него цыкнула.

– Лора, детка, мы сейчас махнём с тобой в столицу, – выезжая из города, неопределённо ткнула она пальцем куда-то в сторону открывающегося горизонта. К Лоре даже не повернулась. – Один специалист хотел бы на тебя взглянуть. Мы, конечно, ничего не обещаем, да и консультация эта, не более чем формальность, сама понимать должна: перед смертью не нады-

пишься. В общем, он тебя посмотрит, скажет, есть ли смысл в дополнительных операциях, но ты сильно себя не настраивай, хорошо? Тогда и расстраиваться не придётся.

Немного помолчав, она всё же повернулась с кривой полуулыбкой.

– Объясню в двух словах, чтобы ты хорошо меня понимала, – мило щебетала женщина, – один специалист условно намекнул, что мог бы попробовать провести дополнительные операции, которые облегчат твою участь. И услышал это человек, который обладает определёнными средствами и возможностями. Так вот, человек, который с возможностями, зарезервировал сумму, необходимую для начала лечения. Сумма немалая, но давай мыслить логично: очередная операция для тебя будет немалым стрессом, результат от неё довольно-таки спорный, денег на продолжение лечения на данный момент нет, и появятся ли они – неизвестно. Так что более благоразумным с твоей стороны будет отказаться от всей этой суеты и... – вот тут директриса замаялась и даже будто бы покраснела, – в общем, эти деньги... они не пропадут, а автоматически перейдут на счёт детского дома. Тогда мы сможем помочь многим воспитанникам. Ты же знаешь, какая у нас напряжёнка с одеждой, а иногда и с питанием. Я ещё поговорю с тем «гением», – на этом она презрительно фыркнула, – но ты имей в виду, что от операции лучше будет отказаться.

О, да, какая там у них у всех напряжёнка, Лора знала. Понимала она и куда пойдут эти средства, поэтому, несмотря на лепет директрисы, была уверена, что если есть хоть один шанс... Мизинец на правой руке болезненно потянуло в сторону, и пришлось стиснуть зубы, чтобы не проронить ни звука.

Ехали долго. На самом деле, Лора смутно представляла себе, долго ли добираться до столицы на машине. До этого они всегда отправлялись на поезде, выезжали часов в восемь вечера, а приезжали уже утром, сейчас же путь казался бесконечным. Только к вечеру вдалеке начали маячить яркие огни светофоров и подсветок редких пригородных магазинов. А когда подъехали к зданию, что даже отдалённо не напоминало больницу, в которой она провела последний год, на часах высветилось шесть часов.

Прошли в красивый холл, администратор за стойкой указала нужное направление, и через три минуты Лора и сопровождающие уже сидели в кабинете приёмного отделения.

Прождали они не меньше часа, прежде чем директриса окончательно разнервничалась и отвела медсестру на разговор тет-а-тет. Слышно не было, но о чём они говорили, Лора знала наверняка. А вот у медсестры глаза сначала округлились, потом на лице появилась понимающая улыбка, а после она принялась долго и активно кивать головой. Стало нехорошо от одной только мысли, что все надежды, которые так хотела на корню зарубить директриса, действительно, оказались напрасными. Только женщина вернулась явно не в духе, а медсестра уселась на своё место и пристально посмотрела на Лору. Под этим взглядом стало неприятно, и она попыталась накинуть на уродливые кисти рук верхнюю кофту. Вот только справиться никак не удавалось. Слёзы подступили к глазам, а горький ком к горлу, когда медсестра, до этого наблюдавшая со стороны, подошла и скрыла уродство, накинув на них казённую пелёнку в красивый жёлтый цветочек.

– Спасибо, – прошептала Лора, но вздох, как ни старалась, получился судорожный. Правда, слёзы не покатались, а согласились временно отступить.

И отступали, действительно, временно, потому как время шло, а атмосфера в кабинете накалялась. Директриса уже принялась ходить из угла в угол, когда не выдержала и метнулась к столу медсестры.

– Послушайте, нам ещё возвращаться, – уверенно проговорила она, отчего сердце девочки забилось неконтролируемо сильно. – Неужели никто, кроме вашего... как его?

– Адашева, – со скрываемой усмешкой подсказала медсестра, на что директриса поджала губы.

– Да, да, кроме Адашева... Неужели никто не может решить этот вопрос?

– Судя по тем документам, что вы предоставили, нет. Больше никто.

– Так, а главврач? Главврач ещё на месте?

– На месте, но он вам тоже не поможет.

– Да почему?!

Медсестра опустила глаза в бумаги и снова улыбнулась.

– Увидите доктора Адашева – поймёте.

На этом истерический приступ закончился, и директриса уселась, но не прошло и пятнадцати минут, как подскочила вновь.

– Да чего мы, в конце-то концов, ждём?! – вскрикнула она и опала, когда дверь, громко ударяясь об отбойник, открылась.

– Вы ждёте, пока закончится операция, – прорычал мужчина, который буквально ворвался в помещение, схватил со стола привезённые бумаги, окинул их быстрым взглядом и недовольно промычал что-то невнятное в свою операционную маску.

– Я же сказал: Соколовскую в палату. Маша, что из этих слов тебе не понятно?! – предельно строго, внятно и доходчиво пробасил он, возвышаясь над медсестрой. Раздражённо хлопнул бумагами по столу и грозно зыркнул, не боясь испепелить её взглядом.

– Но вы же ещё не смотрели и...

– Тебя волнует, смотрел я или не смотрел? Думать здесь не нужно вообще. Нужно выполнять!

– Тут не всё ещё, – кивнула медсестра в сторону директрисы, и врач этот взгляд понял без слов.

Он резко развернулся. Ну, а уж та только и ждала, когда же ей дадут высказаться.

– Адашев, – с вызовом представился врач и, наверно, навсегда внушил Лоре, как должен выглядеть мужчина. Мужчина-защитник. Мужчина-глава семьи.

Он уверенно расправил плечи, размял затёкшую, как видимо, во время операции, шею, и только тогда полностью одарил директрису вниманием. Но нужно отдать ей должное, она спасовала всего на секунду, а затем сразу же вспомнила, для чего сюда приехала. Женщина подошла к нему, пытаясь взять за локоть, и вывести на конфиденциальный разговор, суть которого и так все знают, но мужчина бесцеремонно сбросил её ладошку со своего локтя.

– Господин Адашев, я бы хотела поговорить наедине, – попыталась мило улыбнуться она, но врач стоял с каменным лицом.

– Без предисловий. У меня мало времени, – строго бросил он и не сдвинулся с места.

И в тот самый момент в глазах Лоры он мгновенно с уровня обычного мужчины вырос до уровня героя.

– Хорошо, – нехотя потянула директриса, при этом склонив голову набок. – Раз вы так настаиваете...

– Вы тратите моё и своё время. Короче! – прорычал он ещё более недовольно.

– Ну, а если совсем коротко, то мы бы хотели отказаться от операции. Это рискованно и...

– Мы – это кто? – выудил врач нужный для себя вопрос и уставился на женщину, которая, то и дело, поджимала губы. – Это кто?! – с нескрываемой агрессией кивнул он в сторону мужа директрисы. Тот как-то сразу поосел, но продолжал молчать.

– Мой супруг, он...

– Как я понимаю, к моей пациентке Соколовской никакого отношения не имеет? – оборвал её врач на полуслове, заставляя проглотить всю личную неприязнь и строить глазки усерднее.

– Отношения к Соколовской не имеет, – согласилась директриса и втянула воздух сквозь зубы.

– Не смею больше задерживать, – расставил врач руки в понятном для всех выпроваживающем жесте и неотрывно смотрел до тех пор, пока мужчина не закрыл дверь с обратной сто-

роны. – А теперь, пожалуйста, сначала. Кто это «мы»? – посмотрел он на директрису, которая без весьма условной поддержки мужа, чувствовала себя уже не так вольготно.

– Лора, объясни, пожалуйста, господину Адашеву, что мы с тобой обсуждали по дороге, – пропела директриса, не забывая украсить свои слова соответствующей ситуации интонацией, и выразительно округлила глаза. Лора уже собиралась ответить ей некультурно и недостойно для девушки, но обзор перегородил мощный торс врача, за которым директриса скрылась вместе с пышным шиньоном из натурального волоса.

– Начнём с того, что пациентка Соколовская несовершеннолетняя и ответственности в подобных вопросах не несёт, а значит, и решения принимать не может. Поэтому я снова повторяю свой вопрос: кто это «мы»?

– Хорошо. Я! Я решила, что смысла в этой операции нет! – не сдержалась директриса, и в ответ на её выкрик послышался весьма вызывающий смешок.

– А вы, извините, кто?!

– Что значит, кто? Я законный представитель...

– Вы кто?! – едва ли не прокричал врач, чем заставил содрогнуться не только директрису, но и Лору... и медсестру. – Может, вы имеете соответствующее медицинское образование? Изучали статистику исходов подобных операций или, может, обращались за консультацией к квалифицированным специалистам? На основании каких доводов вы приняли решение о нецелесообразности оперативного вмешательства и, позвольте полюбопытствовать, какими путями собираетесь решать этот вопрос без моей помощи?

– Допустим, всё это так, но я считаю...

– Деньги вы считаете! А я, с вашего позволения, буду считать косточки в её руках.

– За деньги! – алчно сверкнули глаза женщины, и врач развёл руками, чуть отклонившись корпусом назад.

– Кто на что учился. Итак, я повторяю свой вопрос: кто...

– Да что вы развезли тут манную кашу по тарелке?! Инвалид она. Ин-ва-лид! И место ей среди таких же убогих! И никакого согласия я подписывать не буду! Ясно вам?! – согнулась директриса коршуном, а мужчина склонил голову набок, издевательски растянул губы и перевёл взгляд на медсестру.

– Машунь, не сочти за труд, напхни, у нас камеры звук пишут?

– Конечно, доктор Адашев, – хлопая ресницами, спокойно подтвердила медсестра.

– Отлично, тогда давай, звони Фролову из министерства, будем поднимать вопрос о несоответствии занимаемой должности. А потом программистам, пусть скопируют запись на носитель. Что ещё?

Пока он мило ворковал с медсестрой, директриса только и успевала открывать и закрывать рот, словно рыба, пытаясь произнести хотя бы звук, вне зависимости от его характера и направленности.

– Что вы говорите? Всё подпишете? – кивнул ей врач.

– Откуда только взялся такой?.. – проворчала та, но была согласна на всё.

– Бумаги на столе, было приятно иметь с вами дело, – ответил он на её откровенную неприязнь, удовлетворённо кивнул, когда женщина подошла к столу для изучения документов, и только после этого вспомнил о своей пациентке.

Врач развернулся к ней, улыбнулся. Это было видно по его глазам. Яркие глаза, блестящие, внушающие доверие, уверенность, излучающие тепло и доброту. Он сделал несколько шагов и присел перед Лорой на корточки.

– Привет, – заглянул в раздражённые от периодически набегающих слёз глаза.

– Здравствуй, – словно церковная мышь, пропищала Лора и оттого чувствовала себя ещё более жалкой рядом с ним.

– Меня зовут доктор Адашев. А тебя, я знаю, Лора. Красивое имя, необычное. Мама придумала?

– Бабушка, – прошептала Лора ещё тише, и была готова разрыдаться только от его внимания и страха того, что есть шанс.

– Это хорошо, когда есть бабушка. Как у тебя дела, устала?

Лора пожалала плечами, но ни слов, ни, тем более, мыслей в этот момент в голове не возникло. И волнение чувствовалось, и не проходящая дрожь заставляла тело колотиться, а он смотрел в глаза и впитывал все эмоции, все, без остатка.

– Ела что-нибудь? – на отрицательный кивок головы пропыхтел он. – Пила?

– Мы были в дороге ...

– Считаешь, это их оправдывает? Ладно, неважно. Что ты мне привезла?

На резко вскинутые ярко-голубые глаза доктор Адашев глядел с улыбкой.

– Что тут у нас? – кивнул он на пелёнку. Лора почувствовала тошнотворную волну. Она усилилась, когда врач положил на эту ткань одну свою ладонь. – Что у нас тут? Руки? – утвердительно спросил он, а Лора так растерялась, путаясь в его вопросах, что пожалала плечами, изображая недоумение. – Болеют у нас руки, значит, руки и привезла. Покажешь?

Он не успел дотронуться до пелёнки другой рукой, как Лора судорожно дёрнулась в сторону. Адашев напрягся и взглядом заставлял говорить.

– Они некрасивые.

– Ну, так ты для того и приехала, чтобы красивыми были. Разве нет? Ну-ка, давай сама. Кого мы здесь стеснялись?

Казалось бы, неуловимый взгляд в сторону директрисы он поймал и буквально расплющил своим: тяжёлым, напряжённым. Лора покраснела и опустила голову.

– Я могу попросить вас выйти? – обернулся врач, но директриса только хмыкнула.

– Я опекун. И пока Соколовская под моим контролем...

– Вы документы подписали?

– Она подписала, – вклинилась в разговор медсестра и помахала договором в воздухе. Врач перевёл на директрису терпеливый взгляд.

– Так вот, если вы не читали то, что подписываете, то я вам поясню: с момента подписания документов, вы не являетесь опекуном пациентки Соколовской. А её законным представителем становится главный врач нашего медицинского центра. И до момента, пока все необходимые процедуры и операции не будут произведены, данный факт не изменится, – декламировал он монотонным голосом. – В тот день, когда пациентка будет выписываться, я вышлю вам письменное извещение в трёх экземплярах. А на данный момент вы можете смело составить компанию своему супругу. Я вас не задерживаю, – повторил Адашев свою коронную фразу и потерял всякий интерес к беседе.

Как только директриса вышла, улыбнулся.

– Секунду! – это Лоре. И повернулся в сторону медсестры. – А теперь Маша звони Фролову из отдела образования и программистам. Нечего такой гримзе делать рядом с детьми.

– А я её, между прочим, предупреждала, что с вами лучше не связываться.

– Всё верно, Машунь, наши беды лишь оттого, что мы предпочитаем больше говорить и меньше слушать, – вернул внимание Лоре. – А теперь я весь твой, – с напевом проговорил он и улыбнулся, глядя на её смущение. – Показывай.

Не дожидаясь реакции, сам стащил ткань.

– Только будь другом, Лор, пересядь не стол.

Встать-то, она встала, а вот как залезть на стол метровой высоты, так и не придумала, поэтому, пока врач мыл руки, просто мялась в стороне. Он ухмыльнулся.

– А тебе нужно больше разговаривать. И не стесняйся просить. Поверь, у нас у каждого голова забита своими проблемами, вот и я не сообразил. Становись.

А пока она думала, куда же следует становиться, Адашев уже усадил её на стол.

– Ну, что за пушинка, а? Маш, у ребёнка истощение. Тебя хоть кормили? Ладно, не отвечай, – тут же махнул рукой. – И так вижу. А сейчас займёмся делом.

Включив большую яркую лампу, он пока только смотрел на её руки. Смотрел пристально и внимательно, словно на всю жизнь запоминает или, наоборот, пытается вспомнить некоторые азы анатомии. Своими ладонями упирался по обе стороны её тела, а взгляд не сводил с изуродованных рук. Сканировал им, что ли?.. Глядя на свои ладошки, Лора и сама не раз думала, а были ли они у неё когда-нибудь нормальными, такими как у всех, но отчего-то не могла вспомнить жизнь до того. И сейчас, под его взглядом, не столько стало жалко себя, сколько стыдно. Непонятно за что, да, вроде и не за что, а стыдно настолько, что хоть сейчас бросайся и беги со всех ног. Но правильно расценивая свои возможности, понимая, что ни броситься, ни, тем более, убежать, точно не сможет, просто тихо роняла слёзы.

Первая слезинка, вторая скатились по лицу и, задержавшись на подбородке, словно с ощутимым разрушающим звуком упали на похолодевшие руки. А врач... казалось, он даже не понял, что это, потому легко стёр каплю, мешающую обзору, и только когда плечи затряслись, а руки заходили ходуном, поднял взгляд к её лицу. С минуту он просто смотрел, возможно, ждал, что успокоится сама. За год больничной жизни Лора хорошо понимала, что в этой профессии нет места жалости, есть только действие... или бездействие. Но успокоиться не могла.

– Маш, выйди на пару минут, – обернулся он на медсестру и, только услышав звук закрывающейся двери, прочистил горло, подготавливая девочку к разговору.

– Мы всё исправим, Лора. Но именно мы. Я один здесь ничего не сделаю, – произнёс врач абсолютно серьёзно. И в его голосе, действительно, не было ни жалости, ни мягкости. – Ты можешь ещё долго себя жалеть, но эта дорога будет в никуда. Поэтому предлагаю уже сейчас собраться и сделать определённые выводы, принять решение.

Лора, пытаясь восстановить дыхание, сдержать слёзы, судорожно втягивала в себя воздух, справлялась с истерической икотой и заиканием.

– Ты зачем сюда приехала, а, красавица? – он улыбнулся и дотронулся до её подбородка. Лишь на мгновение, чтобы Лора подняла взгляд. И она подняла, потому что не могла иначе. Её никто ещё не называл красавицей. Доктор Адашев же, словно и не знал о существовании иронии, оставался серьёзен. – Мне казалось, ты чемпионка. А чемпионы всегда побеждают. Ты собралась?

Она кивнула, потому что понимала, как будет выглядеть, заикаясь, не в силах сказать простейшее слово.

– Вот и отлично. А теперь вытрем слёзы и приступим.

Лора, уловив в его словах призыв, ловко закрутила между пальцами носовой платок. Всегда держала его в руках, и сейчас пригодился. Она вытерла один глаз, второй, смазано теранула по щекам, подбородку, с носом справиться не получалось и вместо того, чтобы окончательно привести себя в порядок, мазнула только по его кончику. Села ровно, демонстрируя полную готовность. Адашев скептически приподнял одну бровь.

– Всё?

– Да, – неуверенно ответила она и даже кивнула в подтверждении своих слов.

– У тебя нос не дышит, – сообщил Адашев, будто между делом.

– Пройдёт, – отмахнулась Лора, словно от незначительной мелочи, хотя и самой было неприятно: только он назвал её чемпионкой, и тут такое... как-то неловко...

Пока пыталась мысленно сформулировать, что именно ей неловко, врач уже выудил платок из трясущихся под напряжением пальцев, расправил его и обхватил крылья носа с обеих сторон.

– Давай, – хмыкнул в ответ на округлившиеся глаза.

– Не нужно...

– Я не могу начать, пока мне что-то мешает, – отчитался он с настойчивостью в голосе и сделал одно надавливающее движение.

Лора прочистила нос и густо покраснела. Вот теперь было, действительно, стыдно, и Лора предпочла опустить взгляд, и больше никогда его не поднимать.

– Вот и всё. И мы никому об этом не скажем. Надо же, какая кислятина мне попалась, – бормотал врач себе под нос. – Прямо кислая, как капуста, а? Лор? Что ты молчишь? – подзадоривал.

Адашев отошёл к двери и, приоткрыв её, подозвал медсестру обратно.

– Маш, подготовь нашатырь, если честно, то мне вообще ничего не нравится.

Взглянул на Лору.

– Если будет больно – не молчи. Хорошо?

Она кивнула и замерла от того, как он дотронулся до её рук. Теперь он их гладил. Обхватывал своей большой ладонью предплечье и проводил большим пальцем по его внутренней стороне. Вскоре поглаживания стали более настойчивые и приносили ощутимый дискомфорт.

Адашев прислушивался к своим пальцам, к ощущениям, к реакции пациентки, и у самого дыхание стало быстрым, напряжённым, даже через маску было видно, как кривятся губы. Нашупав интересующие его точки, поднял взгляд.

– Маш, последние снимки найди, – кивнул он на стол с лежащей на нём папкой.

Глазами врач смотрел на снимки, подвешенные на специальный стенд, а пальцами пытался найти соответствие.

– Судя по тому, что я вижу... на симках принципиальное отличие. И мне это не нравится. Когда был последний рентген-контроль?

– Пять месяцев назад.

– И что тебе делали все эти пять месяцев?

– Магнит, – хмыкнула Лора в сторону и грустно улыбнулась.

А потом сердце ухнуло вниз и перед глазами потемнело, так он нажал на её кости.

– Маша, нашатырь, – услышала Лора где-то на задворках сознания.

– Я просил тебя не молчать! – повторил Адашев в момент, когда Лора пришла в себя, уже чётко ощущая, как выступили капельки пота на лице и шее.

Теперь он не гладил. Он с завидным постоянством нажимал на самые болезненные участки, которые Лора давно научилась не беспокоить. Как специально издевался, но при этом держал её на грани сознания, не давая ни пропасть, ни выпасть из жизни от болевого шока.

– Не бойся. То, что больно – это хорошо. Значит, иннервация не нарушена, хотя они очень старались убить всё живое, что там было. Я не рентген, но уже нашёл несколько точек, где вместо твоей кости стоят металлические пластины. Стоят плохо, поэтому и больно. Сколько операций перенесла по восстановлению?

– Четыре.

– Мало. У меня будет ещё не меньше шести. Давай сейчас договоримся так: ты устала сильно, я устал как собака, поэтому все диагнозы и точные меры оставим на завтра, а сейчас просто отдохнём.

Врач помог спуститься и отошёл к умывальнику, Лора следила за каждым скупым движением, обомлела, когда встретилась с мужчиной взглядом. Адашев подошёл обратно.

– И предупреждаю сразу: на ближайший год твоё внимание принадлежит мне. Измен и конкуренции не потерплю, – улыбнулся он, когда румянец на её щеках плавно перешёл в глобальную гиперемия лица и шеи. – Не скучай, – шепнул это едва ли не на ухо, а потом, как ни в чём не бывало, вымыл руки и вышел из кабинета.

– Оформляй в шестую палату, – напоследок скомандовал он медсестре и закрыл за собой дверь.

А Лора... что Лора... она просто верила ему, его словам и тому, что всё будет хорошо.

Глава 7

Утро началось не как в предыдущей больнице, с анализов. То есть, анализы тоже предполагались, но первым в палату вошёл именно доктор Адашев, поднял её едва ли не по свистку и только потом, широко улыбнувшись, потянул за собой, не дав и умыться.

– Я полночи думал и, знаешь, примерно представляю, чем мы займёмся в ближайшее время. Сейчас, кстати, сделаем снимок, и пойдёшь досыпать, – на ходу пояснил он, не оглядываясь на пациентку. – А уже после обговорим то, что я себе представлял, с учётом моментов, которые упустил. Будешь как новенькая. Обещаю.

К десяти часам врач пригласил Лору в процедурный кабинет, где и провёл первую консультацию. Взял в руки большой светящийся стенд, вывесил на нём снимок в двух проекциях, усадил Лору на кушетку и сам уселся рядом.

– Смотри: это пластины, о которых я говорил. Так случилось, что они у тебя не прижились и сейчас начали отторгаться. То есть несколько первых месяцев твои ручки болели после операции, в ответ на инородное тело, теперь же, из-за воспалительного процесса. Здесь дело не во врачах, а в особенностях твоего организма. Мы их заменяем на более современный материал и подгоняем по индивидуальному заказу. Так, чтобы ты даже дискомфорта не чувствовала. Дальше твои пальчики: смотри. Как только уберём воспаление, средний и указательный сами придут в норму. К большому пальцу у тебя, как я понимаю, претензий нет. Что касается мизинца, вот этого, смотри, то здесь просто перетянули сухожилия, это тоже вполне поправимо. По левой руке сложнее, здесь какой-то дефект сборки лучезапястного сустава, я час смотрел его во всевозможных проекциях, пытаюсь разобраться и, если честно, так и не догадался, что не так. Поэтому, с твоего позволения, мы оставим это на попозже, – кивнул Адашев, повернувшись и глядя в непонимающие глаза, – а сейчас займёмся всем остальным. Я созвонился с представителями компании по протезированию, выполнение заказа займёт не меньше месяца, плюс погрешности на сроки и доставку. В итоге получится дней пятьдесят. За это время мы с тобой займёмся полным обследованием, твоим мизинцем и душевным равновесием.

– И какие прогнозы?

– Ух ты, слово какое выучила! Прогнозы... – посмеиваясь, перекинул он. – Всё, за что берусь, я довожу до конца с наилучшим результатом. А прогнозы такие: ты меня ещё стрелять научишь. Научишь ведь? – Адашев толкнулся плечом в плечо Лоры и рассмеялся её робкой улыбке.

– Директриса говорила, что сдаст меня в дом инвалидов, – вдруг вспомнилось маленькой пациентке.

Врач тут же посерьёзnel.

– А я говорю, что ты даже на контроле в аэропорту не засветишься. И кому предпочитаешь верить?

– Вам, конечно, – ответила Лора хоть и бодро, но явно неуверенно. Адашев промолчал, просто давая ей время привыкнуть, а потом... потом она в своей уверенности и его самого переплюнет.

Здесь всё было иначе. И медперсонал, и процедуры, и уход. Лора вернула в весе исходные пятьдесят два килограмма, теперь могла спокойно смотреть на себя в зеркало и училась заново улыбаться. А ещё... ещё она поняла, что влюбилась. И смотрела на лечащего врача, как на бога. Даже когда слёзы от боли бежали по щекам, она его любила. И когда он приближался, чтобы заглянуть в глаза, и когда издевательски насмехался, пытаюсь разозлить. Любила не только за то, что вытащит, что сможет. А глупой наивной любовью: за то, что особенный. И пусть ни разу не видела его без маски и медицинской шапки, которая у доктора была необычной,

аляпистой в военном стиле, в красоте не сомневалась. Любила за то, что огромный, как скала, и подхватывает её на руки, словно пушинку, за то, что от него приятно пахло. За его внимание... Она была не просто пациенткой. Прежде всего, Лора для доктора Адашева была человеком, нуждающимся в общении. Он эти пробелы восполнял постоянно и без устали.

Две первые операции прошли удачно, и результат не заставлял себя ждать. Под действием препаратов некоторые пальцы и без вмешательств немного выпрямились и теперь не приносили такую боль. Она могла листать страницы книг, училась захватывать мелкие предметы.

Адашев приходил каждый день. Даже в выходные он приезжал хотя бы на полчаса, чтобы поговорить, объяснить, показать упражнения, проконтролировать их исполнение. Утверждал, что при правильной гимнастике пальцы будут разрабатываться быстрее. Терпеливо смотрел, как она швыряет бусины по углам палаты, когда ничего не получается, когда боль становилась сильнее её силы воли. И всё равно собирал их обратно, заставляя нанизывать на тонкий стержень. Лора хотела, чтобы всё получалось, чтобы он ею гордился, уже не для себя делала – для него. А Адашев практически никогда не хвалил, только повторял, что та еле-еле догоняет поставленные нормы, не говоря уже о том, что никак не вписывается во временные рамки.

– Я не могу, я устала! – выкрикнула Лора, когда сил не оставалось даже на спокойное, размеренное дыхание, и вместо этого приходилось перехватывать воздух и тут же натужно пыхтеть, выполняя очередное упражнение.

– Мне всё равно.

– Но я всё сделала... – уже просилась она, но Адашев лишь приподнял одну бровь. – У меня ничего не получается...

– Ближе к истине, – вроде как похвалил тот за честность.

– Доктор Адашев, когда всё закончится...

– Когда всё закончится, я буду сморщенным стариком, а ты бодренькой старушенцией.

Давай поближе к реальному времени.

– Я волнуюсь... а вдруг что-то пойдёт не так?

– На такой случай у тебя есть я.

– Вы не хотите меня понять...

– Что ещё я не хочу? – подошёл он ближе и положил ладонь на её бедро, несильно сжимая.

– Вы не слышите меня, – прошептала Лора, не зная, как на это реагировать, обернулась на стоящую позади медсестру, но та казалась занята своими делами.

– Я хочу, чтобы всё было по-другому. А ты?

А Лора краснела. Потому что он делал так каждый раз, пытаясь заставить молчать. Подходил настолько близко, что его запах окутывал, дурманил, а Лора не могла проглотить ком, прочно засевший в горле.

– А я боюсь возвращаться в прошлое.

Адашев неуверенно передёрнул плечами.

– Напомню: там ты была чемпионкой.

– Там разрушились мои мечты.

– Но ведь у тебя уже есть новая мечта?

– Доктор Адашев...

– Доктор Адашев, у вас через пять минут приём! – напомнила о своём присутствии медсестра, и Лора тут же отпрянула, как делала всегда. Ловила насмешливый взгляд и старалась как можно скорее сбежать.

Между ними всегда оставались недомолвки. Даже когда они были наедине, Адашев сам прекращал поток её глупостей. Но каждую новую встречу продолжал провоцировать на начало одного и того же разговора. И каждый раз насмешливо шурил глаза, получая желаемое.

– Да, детка, давай, давай. Ещё. Ещё! Сильнее, сжимай, – громко командовал Адашев. – Сжимай его. Ещё. Ещё. Я не чувствую! – утробный рык и напряжение каждого мускула на лице. Лора ловила его дыхание на своей щеке, чувствовала его руки на своих бёдрах и готова была провалиться сквозь землю под взглядом чёрных глаз. – Давай, малышка, не расстраивай меня. Ещё хочу.

А она закусывала губу, пытаясь выполнять каждую просьбу, и сжимала челюсти, чтобы не выдать боль и внутреннюю дрожь от напряжения.

– Давай, давай, маленький, ты же знаешь, как я люблю твои пальчики. А теперь с улыбкой. Ты можешь делать это с улыбкой! Тебе же нравится, скажи! – подначивал он, а у самого всё внутри замирало, глядя на неё, такую хрупкую и нежную.

Адашев всегда называл её «моя девочка», даже когда эта самая девочка его расстраивала. А сейчас, спустя месяц от последней операции, когда всё зависело только от её желания, от силы воли, просто не мог позволить сдаться. Потому и давил, потому и выжимал все соки, действуя не только авторитетом, но и делая упор на её чувства.

– Лора, ты будешь сжимать или нет? Может, тебе дать в руки что-нибудь более существенное?! – злился он, потому и рычал, глядя, как она сжимает большие пальцы на его руках.

Упираясь кулаками в её бёдра и смотрел исподлобья, прекрасно понимая, отчего она краснеет, отчего дыхание становится чаще. Знал, что следит за тем, как он проводит кончиком языка по пересохшим губам.

– Всё, всё, убедила, – улыбнулся и отдышался. – А теперь пальчики вместе сложи и покажи мне ровные ладошки. Что ты умеешь делать этими ладошками, малыш? – она смутилась только от его вопроса, не говоря уже о действиях. Потому и кивал в такт её мыслям. – Погладь меня по плечам.

Девочка дрожала как осиновый лист, а ему нравился этот трепет.

– Лора, если тебе кто сказал, что мужчины любят глазами – не верь. Хрен там! Мы, как коты, любим, чтобы нас ласкали. Гладь так, чтобы мне понравилось, – наклонился он чуть вперёд и упирался взглядом прямо в её шею, изредка стреляя глазами в медсестру, которая только осуждающе покачивала головой.

– А теперь улыбнись, – прошептал и мог визуально отметить, как на её коже выступили бугорки волнения, возбуждения, так называемые мурашки. Следил за тем, как они прошлись по открытым участкам кожи и тут же исчезли, словно и не было. Как же она научилась себя контролировать... – Я попросил тебя улыбнуться, – напомнил Адашев шёпотом и коснулся носом её шеи, пусть даже сквозь слой маски... мгновенно заряжаясь энергией, бегущей с кровью.

– Я улыбаюсь, – устало отзывалась Лора, а Адашев прекрасно понимал, что это может означать, потому и отклонился, заглядывая в красные от раздражения глаза.

– Лора, когда ты улыбаешься, я бьюсь в экстазе. Нет, скажи честно, я похож на человека, который бьётся в экстазе? – приподнял он брови и приоткрыл губы, ловя её судорожный выдох. – А ведь хочу, малыш, очень хочу. Давай, кислая капуста, улыбнись мне уже. Неужели не заслужил? – попытался врач поймать тщательно уводимый в сторону взгляд.

– Доктор Адашев, вас ждёт Александр Александрович, – забежала в смотровой кабинет молоденькая секретарша.

– Иду, – рыкнул он в ту сторону. – Маш, сделай тут всё красиво. Чтобы моя девочка не расстраивалась.

Он щёлкнул Лору по носу, и по глазам видно было, что улыбнулся.

К слову сказать, Маша была единственной медсестрой, которая работала с ним в паре. Лора не раз об этом задумывалась, а, поймав на себе очередной пылливый взгляд, не сдержались.

– Маша, скажите, а он всегда такой?

– Адашев?

Лора торопливо кивнула и задержала дыхание, ожидая услышать что-то такое, что изменит её жизнь раз и навсегда, но Маша понимающе усмехнулась.

– Нет, он всегда разный. Несмотря на достаточно молодой возраст, высокочлассный специалист. Он проводит такие операции, за которые и в Москве не каждый возьмётся. А ещё хочет получать от пациентов такой же отдачи. Тонкий психолог и всегда знает, как добиться своего. Вот, слышала, наверно, когда говорят, талант от Бога? Так вот, наш Адашев как раз такой случай. Ему пророчили высокое будущее и травматология для его способностей практически топорная наука, но он почему-то выбрал её. Так вот, возвращаясь к твоему вопросу... Ты среагировала на такое поведение в первый раз, не знаю, уж, когда он там с тобой экспериментировал. Адашев провоцирует, а ты отвечаешь, при этом не забывая выполнять то, что он хочет получить. Только не влюбляйся, не нужно. Ты для него всего лишь работа, как и многие другие пациенты. Пусть даже эта работа занимает центральное место в жизни.

Лора выдохнула напряжённо и медленно, в душе понимая, что всё это она и так знала, но не переставала надеяться.

– Ты бы видела, что он раньше вытворял! До тебя у нас мальчик лежал, тоже со сложным переломом правой руки. А ведь когда-то очень любил компьютерные игры... Так, доктор Адашев купил новомодную приставку последнего поколения. Знаешь, такую, с эффектом погружения в реальность?

– Не знаю.

– Да, неважно! Так вот, купил, установил в палате, и играл один, пока мальчуган восстанавливался. Такого быстрого результата никто не ожидал. Так что этот флирт с тобой можно считать детским лепетом.

– Да?

– Да ты не расстраивайся, он всё понимает. Всё, и даже больше. Только результат ему важнее последствий. Так уж он устроен. Идёт к своей цели напролом.

– Да, – обречённо кивнула Лора.

– Вон, Александр Александрович, главный наш, всё никак понять не может, что произошло. Доктор Адашев стремится стать лучшим. Он даже мединститут экстерном окончил, представляешь? Так вот, собирался на стажировку в Америку, его никто не отпускал, а он всё одно своего добился. А как добился, так уже и не спешит, хотя там и опыт, и перспективы.

– В смысле не спешит?

– Да ты, наверно, не знаешь! – медсестра махнула рукой и пока накладывала свежую гипсовую повязку, тихо бормотала.

– Ты же у нас уже восемь месяцев, так?

– Почти восемь.

– Да неважно. Суть в том, что полгода назад ему эту самую стажировку и предложили. А он отказался. Сказал, что ты важнее.

– Именно я?

– Ну, кроме тебя, у него есть ещё пару сложных случаев, но озвучил именно твою фамилию. А на Сан Саныча давят, говорят, подайте нам специалиста по требованию, вот он Адашева и таскает в свой кабинет каждый день. Мила, секретарь, говорила, что главный предложит сегодня Адашеву такие условия, от которых просто невозможно отказаться.

– И он уедет?

– В принципе, может. Все основные операции он сделал, у тебя и то, всего пара осталась, ну, может, три, не больше. Так, их любой наш врач провести сможет. Тот же Полесов Владимир Игоревич. Хороший специалист. Не волнуйся, начатое закончат.

Она хлопнула ладошкой по гипсовой повязке напоследок, стёрла остатки белого клея с пальцев и помогла Лоре слезть со смотрового стола.

Глава 8

Адашев уехал через два дня, а на третий к ней пришёл тот самый Полесов. Со своей вечно хмурой медсестрой, с негнущимися цепкими пальцами, оставляющими на тонкой коже после гипса синяки. Со скептическим взглядом, который касался всего, что делал сам Адашев.

И желание пропало. Все движения выполнялись на автопилоте, и Лора воротила лицо каждый раз, когда ловила на себе неприятный острый взгляд.

– Лора, на следующей неделе я планирую провести завершающую операцию. Мы выправим средний и безымянный пальцы, а если всё пройдет успешно, то через пару недель можно и на выписку.

– А доктор Адашев говорил, что ещё как минимум две операции. У меня левое запястье выполняет не все движения. Вот, посмотрите.

Девочка вытянула руку вперёд и продемонстрировала рваное в своей плавности вращательное движение, которое стопорила какая-то косточка. Полесов тяжело вздохнул.

– Потому что разрабатывать его нужно, а не показывать мне сейчас. Движения вверх-вниз, влево – вправо на пол-оборота, и раз в пять дней радиус оборота увеличивать.

– А...

– А если лечение не устраивает, то можешь отправляться вслед за благодетелем. Развёл здесь детский сад, плюнуть негде!

– Меньше бы плевались, доктор Полесов, – тихо проговорила Лора и шмыгнула через прозрачную дверь.

В таком ритме прошла ещё одна неделя, Лора готовилась к операции, которую назначил Полесов. Скрипя зубами, она разрабатывала запястье, как он говорил, и делала вид, что не замечает нарастающей опухоли с той стороны.

Только очевидного не скроешь – это утверждение и продемонстрировал общий анализ крови, который показал зашкаливающие результаты, говорящие о сильном воспалительном процессе. Тогда и обнаружился воспалённый сустав, тогда на консультацию пришёл и сам главный врач, который на все комментарии Полесова только поджимал губы.

– Адашев говорил о необходимости операции, – констатировал он, отведя лечащего врача в сторону. – Ты снимки вообще смотрел перед рекомендациями? Какая разработка? Там фиксирующую повязку, а то и лангету накладывать стоило. Тебя куда понесло? Какая тебе докторская? Прямая дорога обратно на институтскую скамью! Ты ещё спасибо скажи, что девочка детдомовская, может, всё обойдётся, и никто шумиху поднимать не будет. – Оба обернулись на испуганную девчущку и заговорили на полтона ниже. – Ты понимаешь, что мы выйдем на внебюджет? Откуда средства будешь брать? Из своего кармана доложишь?

– А Адашев откуда брал?!

– Где брал, там больше нет. Он всё подсчитал и предоставил отчёт о финансовых требованиях, деньги поступили на счёт. Ты же совершил ошибку!

– Я проведу операцию как благотворительную, никто ничего не узнает, а для статистики только лучше.

– А я не про операцию у тебя спрашиваю, а про послеоперационный период. Ты знаешь, что у девочки аллергия на большой спектр антибиотиков? Адашев в Китае заказывал какие-то травы и микстуры, который не разрешены нашим министерством, но зато не вызывают побочных действий.

– Ничего, выдержит, – кивнул багровый от напряжения Полесов, а Лоре широко улыбнулся. – Ну, что? Сейчас на снимок, а завтра готовимся на операцию.

Врач подошёл ближе и дотронулся до воспалённого сустава на левом запястье, не понимая, как не разглядел его до этого, и сильно сдавил, когда дверь смотрового кабинета резко распахнулась.

– Отошёл от неё. Быстро! – влетел в кабинет Адашев, и бросил на Лору встревоженный взгляд. Дышал быстро и шумно, из-под маски были заметны частые движения нижней челюсти, словно жевал резинку.

– Александрович, на два слова, – вывел он из кабинета главврача и уже оттуда были слышны несдержанные окрики. – Соколовская моя пациентка, так, какого чёрта к ней приблизился этот недоумок?!

Ответа главного Лора не слышала, при этом боялась сдвинуться с места.

– Экспериментировать будете со своими, а ребёнка трогать зачем?! Карьеру на ней сделать хочется? Не в этот раз. Я не отдам её!

– Адашев!

– Какие-то проблемы?! Так, я сам вас сейчас проконсультирую в этом вопросе.

Адашев заглянул в кабинет, зло посмотрел на Лору, словно она в чём-то виновата.

– Лор, собирайся, он тебя больше не лечит. Пока посиди в палате, – решительно продиктовал и не отвёл взгляд, пока она не подошла к дверям. На пороге поймал и глянул на запястье. – Сколько дней издевалась?

– Восьмой пошёл.

Он попытался отдышаться и молчал. Перевёл взгляд на главного.

– Я ещё посмотрю, что вы там накуролесили и если что, лично подам иск о несоответствии занимаемой должности.

– Адашев, думай, что говоришь.

– Только после того, как вы научитесь думать, что делаете. Всё. Лора – в палату, – рыкнул он, скосив взгляд. – А вы, Александр Александрович, пройдёте в кабинет.

В палату Адашев залетел с такой же скоростью, как и полчаса назад в смотровой. Остановился перед кроватью как вкопанный и несколько секунд просто смотрел, а потом, словно растеряв весь свой запал, опустился на её край и дотронулся до тонкой руки, окидывая профессиональным взглядом.

– Лора, я всё могу понять. Даже то, что этот идиот не заметил нарастающего воспаления, но, чёрт возьми! Ты куда смотрела?!

– Мне сказали, что вы сюда не вернётесь, – пожала она плечами вместо ответа на вопрос.

– Пряма-таки! Сначала из главного входа выйдешь ты, а уже потом...

– Я думала, что больше никогда вас не увижу, – тихонько прошептала она, чтобы даже Адашев усомнился в наличии этих звуков.

– Я тебя не оставляю, – проговорил он абсолютно серьёзно и уже потом перешёл к привычной манере общения: его глаза улыбались, а руки прощупывали все подозрительные места. – Как же, сейчас! За границу и без своей кислой капусты...

Ворчал врач, издеваясь.

– Я купил тебе подарок, – просветил он между делом и, словно ничего и не сказал, продолжил осмотр. – Не хочешь узнать какой? – уточнил, как только уловил напряжение с её стороны, но так и не услышал ни единого звука.

– Какой?

«Он думал о ней, думал!» – мысленно твердила себе Лора и даже пыталась закрыть глаза, чтобы он не разглядел в них той эйфории, что заставляла совершать подвиги. Но, увидев перед собой аккуратную коробку с иностранными надписями, не сразу поняла, что это такое. Вопросительно посмотрела и неловко улыбнулась, когда, даже вскрыв упаковку, не смогла определить, что в ней находится.

– Смотри, это вместо гипса, – оживился Адашев, понимая, что тут необходимо вставить комментарий. – Такая штукавина, вот, держи, как воздушная подушка. Она надёжно фиксирует все суставы и при этом не причиняет неудобств. Во время осмотра её легко можно спустить, а потом снова накачать воздухом в необходимом объёме.

– Обычно девушкам цветы дарят, доктор Адашев, – улыбнулась Лора и опустила взгляд под его непроницаемым выражением глаз... И лица... об этом можно было сказать уверенно. Несмотря на маску.

– Ну, ты ведь мне не девушка, а пациентка. Давай я переоденусь, а потом примерим. Как увидел, не поверишь, сразу о тебе подумал.

Потом, гораздо позже, повзрослев, таких, как доктор Адашев, Лора будет относить к мужчинам, женатым на своей работе. В тот же момент, она даже не пыталась его понять. Спокойно смотрела на все проводимые процедуры и так же старалась. Только с каждым днём её надежды на взаимность становились всё более призрачными.

Теперь осмотры представляли собой немного иную картину. И только его тёплые невестомые прикосновения так и оставались прежними. Он больше не предлагал гладить себя по плечам, чертить ровную линию на его ладони.

– Где больно?! – однажды строго прижал вопросом так, что вздохнуть не представлялось возможным. Поэтому Лора и указала болевую точку. Сцепила зубы, когда пальцевое нажатие стало целенаправленным. – Болеть не должно... – задумчиво произнёс он, а потом как-то хитро сощурился. – Лора, ты смотрела прогноз на завтра?

– Нет...

– Думаю, твои суставы крутит от перемены погоды. Это нормально и от этих болей ты никуда не денешься, такова уж цена за переломы. Пойдём со мной.

Адашев тут же прихватил девушку за руку и повёл в сторону физиокабинетов. Заглянул в одну дверь, в другую. Распахнув третью, он расплылся в улыбке так, что Лора оцепенела. Мужской голос стал медовым.

– Ну, привет, привет, красавица. Занята, не занята? – медленно подкрадывался он к медсестре, и как на прицепе тащил Лору позади себя.

– Для тебя свободна. Чем удивишь на этот раз?

Женщина то ли не видела Лору, то ли не хотела замечать, но перед Адашевым вырисовывалась и выгибалась так, что со стороны противно было смотреть. А может, это звенели колокольчики ревности?..

– Будь зайкой, погрей мою девочку. А я в долгу не останусь, – продолжал он наступать, пока не подошёл достаточно близко.

– Уже можно загадывать желание?

– Загадывать можно, с исполнением спешить не буду – сама знаешь, как сейчас загружен. Так что?

– Куда от тебя денешься, Адашев, а? Направление черкани, – подсунула медсестра на край стола специальный бланк и толкнула ручку. – И количество процедур отметить. Лень потом за тебя думать.

– Так, я же всегда готов рассчитаться, дорогая.

– Все вы соловьём поёте, когда хотите что-то получить, – вытянула та губы трубочкой, а как Лору за плечом увидела, немного поостыла и перевела на неё недовольный взгляд. – Проходи к ванной с номером три. Жёлтая дверь, – кивнула медсестра, глядя на неё, как на пустое место, а Адашеву тут же улыбнулась.

Это был первый и последний раз, когда Лора посетила кабинет физиопроцедур.

В день выписки, когда, как Адашев и обещал, Лора едва ли походила на того забитого воробышка, который сюда приехал, он зашёл всего на минуту. Для того чтобы пожелать удачи и

передать необходимые документы. Он, как всегда, был в маске, с улыбкой в глазах и с частыми лучиками морщин в их уголках.

Лора больше не вернулась в свой детский дом. Стараниями всё того же Адашева, её перевели в один из столичных интернатов, по окончании которого выделили квартиру. Там же она обзавелась необходимыми для начала жизни навыками. Из предложенного нехитрого ассортимента выбрала профессию секретаря, потому как, ещё живя с родителями, неплохо владела компьютером и иностранным языком.

Однажды Лора всё же набралась смелости и вернулась в этот медицинский центр. На тот момент она уже была оперившимся птенчиком и, что считала немаловажным, совершеннолетней девушкой. Подошла к стойке регистрации и, прогнав лишние мысли, выпалила:

– Здравствуйте, я бы хотела получить консультацию у доктора Адашева. Где его можно найти?

Несмотря на то, что медрегистратор была чем-то увлечена, услышав известную фамилию, она на секунду уставилась на Лору, внимательно её разглядывая.

– Он здесь больше не работает, – ответила строго и вернулась к делам.

– Извините, а вы не подскажете, как его найти? – не отступала Лора, уговаривая себя не разворачиваться на полпути. Ведь уже давно определилась со словами, которые хочет ему сказать и даже с тем, что готова услышать в ответ, но всё равно продолжала надеяться.

– Адашев более не имеет отношения к нашей клинике. Можете его не искать.

– Он уехал на стажировку?

– Девушка? Чего вы хотите? Кажется, я ясно дала понять...

– Просто мне очень нужно с ним поговорить.

– Знаете, сколько тут ходит таких же нуждающихся? Не перечать. И вам пытаться не советую. Нет его здесь. Точка.

– Спасибо, – недовольно ответила Лора, но отступить не собиралась.

В тот же вечер, руководствуясь большим телефонным справочником, она обзвонила все больницы и медцентры города, но ответ был везде одинаков. И она сдалась. Слишком быстро. Слишком безвольно. Больше не чемпион...

– Видно, не судьба... – проговорила, глядя вдаль из окна своей однокомнатной малогабаритки. – Прощайте, доктор Адашев.

На этом Лора перевернула большую страницу своей жизни.

Глава 9

Воспоминания не принесли должного успокоения, и рука нехотя потянулась к флакончику с таблетками. Подумать только... большой мир рассуждает над тем, кто лежит сейчас в его постели, а жена самого загадочного мужчины прочно подседа на тяжёлые снотворные препараты, периодически входя в своеобразный транс из кошмаров. Лора обернулась и наткнулась на серьёзный и внимательный взгляд.

– Поделиться? – попыталась пошутить она и потрясла флакончиком со звенящими в глубине пластика пилюлями.

– Я всё равно поговорю с твоим лечащим врачом, Лора. Мне не нравится эта идея, кому бы она ни принадлежала.

Пропуская это мимо ушей, Лора откупорила флакон, потрясла его, пока не увидела в ладони маленькую розовую таблетку. Она неловко оглянулась и практически бесшумно перевернула пластиковую форму, удваивая дозу. Забросила в рот, пока муж ничего не понял, и только устраиваясь у него под боком, услышала фразу:

– И об этом я с ним тоже поговорю, малыш.

– Иногда мне кажется, что ты знаешь обо мне больше, чем я сама, – поёжившись, призналась Лора, настолько реалистично и почему-то неприятно казалось это предположение. Она закрыла глаза и через считанные минуты потерялась в реальности.

Сон стал для неё вторым «я», второй жизнью, второй сущностью. Всё происходило слишком реалистично, слишком остро она чувствовала в его темноте чьё-то присутствие. Словно кто-то всегда стоит за спиной, но, обернувшись, её окутывала всё та же пустота и темнота.

Со снотворным тяжело. Она не помнила слов, не помнила действий, но проживала всё по-настоящему. Словно и не спала вовсе, а только выходила за дверь. И было чувство, будто кому-то должна, поэтому старалась что-то доказать. Что-то очень важное и жизненно необходимое. Путалась, блуждала, кричала, но при этом не могла произнести ни звука. И это страшно. Ощущение беспомощности. То, что забыто в реальной жизни и так остро отзывается во сне. А потом пронзительный детский крик разбудит её за секунду до того, как прозвенит будильник.

Проснувшись, Лора, как всегда, подскочила на постели, закрывая рот руками, и пытаясь отдышаться, точно всё это время от кого-то бежала. А потом, когда дыхание начало выравниваться, поняла, что не помнит ничего. Ничего из того, что заставляет волосы на руках стоять дыбом, ничего из того, что заставляет сердце бешено колотиться. А особенно пугает то, что сон прошёл, а необъяснимая паника так и осталась глубоко внутри, не отпуская и не позволяя забыться, расслабиться.

Муж проснулся на полчаса раньше. Он, как всегда, наполнил ванну кипятком, потому что знал, что этот неприятный период перехода из зимы в весну заставляет её тело трещать по швам. В воздухе всё ещё витал аромат его одеколona, но самого уже десять минут, как нет в доме.

– Лора Витальевна, вы проснулись, – улыбнулась Вера Петровна и принесла чашечку горячего кофе.

Несмотря на то что эта традиция длится с момента её появления в доме, Лора только сейчас поняла, что никогда об этом не просила. Подобная мысль оказалась похожа на короткий безболезненный удар, и заставила посмотреть на женщину внимательнее.

– Вера Петровна, а почему вы каждый раз приносите кофе в мою комнату? Это странно, но до вашего появления я не имела привычки пить кофе в постели.

– Мне больше так не делать? – невозмутимо отозвалась женщина и замерла в ожидании ответа.

– Нет, не стоит. Помните, как у Булгакова: мы начнём обедать в кабинете, а в ванной комнате будем резать кроликов...

– Не помню. Что это за живодёрство?

– Ну, как же, «Собачье сердце». Странно, что вы не обратили внимания. Знаете, я вот прежде никогда не задумывалась, откуда это во мне, а сейчас точно помню, что мама всегда накрывала обед в столовой, – неожиданно для самой себя произнесла Лора.

Перед глазами, как в реальности, встала крохотная столовая комната, и она точно знала, что за фанерной стеной есть такая же крохотная кухня, но с точностью могла отметить, что это не родительские залы. Комнаты в их московской квартире имели непозволительный объём.

– Я, кстати, и сама всегда старалась кормить мужа в столовой, – коротко улыбнулась она.

– Да? А мне казалось, вы не умеете готовить? – натурально удивилась Вера Петровна, и Лора возмутилась.

– Что за глупости? Каждая уважающая себя женщина умеет готовить!

– Однако вы никогда не готовите.

– Да? – почему-то это заявление заставило Лору задуматься. Но сегодня, именно сейчас у неё было чёткое ощущение того, что именно она заботилась о муже! Собирала ему обеды и... И получается какой-то бред! Ведь она никогда не собирала ему обеды. Просто потому, что не любила. Да и обедал он...

– Вы будете пить кофе в столовой или, может, в кухне?

– Нет, только не в кухне. Терпеть не могу эту Фаину. Её взгляд внушает мне что-то неприятное, – поморщилась Лора и уверенным движением столкнула с ног одеяло.

– Зачем держать в доме человека, который вам не нравится? Мне кажется, вы в том положении, когда можете себе позволить выбирать.

– Это так, но Фаину очень ценит мой муж. К её работе никогда нет нареканий и, кроме ничем не объяснимой личной неприязни, положить на чашу весов мне нечего. К тому же она никогда не покидает пределов кухни.

Лора села в постели и улыбнулась сама себе.

– Представляете, Вера Петровна, я никогда, за почти шесть лет жизни здесь не столкнулась с ней в самом доме случайно. Однако она всегда в курсе «когда, где и что?» Странно, вы так не считаете?

– Она вообще кажется мне странной. И не говорит по-русски.

– Какие глупости, она говорит по-русски! – утвердительно заявила Лора, но при этом не могла вспомнить ни единого слова, произнесённого женщиной. – Просто... прежде чем сказать, Фаина всегда думает, – стушеввалась она под удивлённым взглядом и ей самой это очень не нравилось.

Лора решила пояснить.

– Из моей спальни как-то пропала одна вещица. На самом деле, сушая безделушка, но важен был факт пропажи. О том, что вещица украдена, я и не думала, ведь в доме не бывает случайных людей, но факт оставался фактом. Так, Фаина буквально за две минуты определила кто, в какой день и куда именно её убрал. Вы представляете?

– Я вообще не представляю, что в моей комнате может находиться посторонний человек, – возбуждённо открестилась женщина, и Лора посмотрела на неё с улыбкой.

– Прежде я об этом не задумывалась, а когда вы так категорично заявили, вдруг поняла, что мне это тоже неприятно. Радует только то, что никто из прислуги не станет заглядывать на полки моего туалетного столика.

– Но ведь вы сами только что сказали, что прецедент был.

– Единичный случай, Вера Петровна. И, да, я буду завтракать в столовой, – сказала Лора для того, чтобы побыть наедине с собой и как-то определиться со странными мыслями, которые так неожиданно возникли в голове.

Только ничего не прояснялось: странные ощущения параллельной реальности заставляли думать напряжённее, а ответов на вопросы и вариантов таковых оставалось всё меньше. Потому Лора предпочла переключиться на будничные проблемы. Она проигнорировала кофе и, как это ни смешно, манную кашу, которую так любила. Отправилась на работу.

– Доброе утро, Лора Витальевна, отлично выглядите! – мелодично поприветствовала Ева и без лишних слов приступила к отчёту. – Как вы и просили, я максимально разгрузила дни с понедельника по четверг, все встречи начинаются не раньше четырёх вечера, пятницу освободила полностью. Звонил Ковалёв, о теме беседы не распространялся, обещал перезвонить во время обеда. Секретарь Москвина уточняла, когда будут готовы приглашительные билеты. Германов отзвонился и сообщил, что обедает с новыми спонсорами, только вот я никак не возьму в толк, о ком он говорит и где успел подцепить.

– Небезызвестная компания «Аркос» в лице её бессменного руководителя, изъявила желание стать одним из наших представителей на финансовом рынке. Что ещё?

– Когда вы только всё успеваете, Лора Витальевна? Я не знаю, а вы знаете!

– Обязанности у нас с тобой, Ева, разные. Но я имею право единолично выбирать, с какими из компаний сотрудничать. «Аркос» в нашем составе видеть хотела давно, вот и они созрели. Что на сегодня?

– Две встречи на официальном уровне с представителями власти, участники до сих пор не определены. Радует то, что на нашей территории. После обеда вас пригласили на открытие зимнего сада в новом спортивном комплексе, Германов сказал, что присутствие обязательно. Вечер практически свободен, но вы просили его не занимать, потому как планировали встречи с детьми и их родителями.

– Что ещё?

– Да, в принципе ничего. Узнать вот хотела, что вы каждый месяц делаете в ту пятницу, которую я так усердно охраняю от нападающих?

– Посвящаю один день в месяце себе. Тебе тоже советую не увлекаться и устраивать один выходной, свободный от всех. Очень расслабляет, знаешь ли.

Лора строго посмотрела, и сплетничать далее намерена не была. Лишние вопросы начинали раздражать, но это было Еве простиительно.

– Понятно, – совершенно буднично отозвалась секретарь. – Ещё в приёмной ожидает женщина, хочет поговорить по поводу финансовой помощи ребёнку с редким заболеванием.

– Почему ко мне?

– Я звонила в юридический отдел – это не наш случай, но она отказывается уходить.

– Пригласи, – глухо отозвалась Лора и прошла в свой кабинет.

Отказывать людям тяжело. Отказывать людям, осведомлённым о твоих финансовых возможностях, тяжелее вдвойне. Но это работа, к которой она привыкла, и умение говорить «нет» входило в прямые обязанности.

– Здравствуйте, Лора Витальевна, я бы хотела попросить... – начала измученная горем женщина. Было в её глазах что-то до боли знакомое и обжигающе неприятное, но Лора проигнорировала эти ощущения.

– Здравствуйте. Присаживайтесь и покажите документы, которые есть у вас на руках. Думаю, вам уже сообщили о том, что проблема не является для нас профильной, но мы можем помочь советом.

– Пожалуйста, – одним этим словом женщина и напомнила о просьбе, и протянула бумаги.

Просмотрев их опытным взглядом, Лора могла отказать сразу, но понимала, что её отказ – это одна потерянная жизнь. Она отрицательно покачала головой и протянула документы обратно.

– Кардиология, действительно, не наш профиль. Я так понимаю, это внук?

– Да, три месяца. Родился недоношенный, сочетанные пороки сердца, необходима сложная операция.

– Я понимаю, но у фонда есть определённый устав, в соответствии с которым у нас немного другая направленность. Судя по тому, что я увидела, время играет против вас, поэтому говорю, чем конкретно могу помочь. Я дам вам два номера социальных благотворительных фондов, которые занимаются вопросами подобного рода – они обеспечат вас местом в хорошей клинике. Дам два номера крупных предпринимателей. Люди занимаются частной благотворительностью, но вы должны понимать, что вне зависимости от моей рекомендации, они имеют право отказать вам во встрече. При себе будет необходимо иметь эти документы, – Лора прикрыла ладонью папку, – паспорт, а так же врачебные рекомендации и список лекарственных препаратов для послеоперационного лечения. Тот самый список, который я у вас не увидела. И сразу объясню: люди это серьёзные, поэтому не один раз проверят и перепроверят вашу информацию, прежде чем оказать какую-то реальную помощь. Думаю, это для вас не новость и вы в курсе процедуры. От себя лично могу обещать заранее созвониться с указанными людьми и предупредить, что вы придёте от меня с определённой просьбой. Для этого оставьте необходимые данные у секретаря. Если такая помощь вас устраивает, мы продолжаем беседу, если нет, то вы можете быть свободны.

Через полчаса женщина вышла из кабинета, оглянувшись напоследок со словами: «Храни вас Бог», и ушла.

Весь оставшийся день прошёл в напряжённом графике, а вечером начинался очередной этап ежемесячного кошмара. Тот самый этап, перед которым, словно перед смертью, Лора не могла надыхаться. Оттого и отменяла половину встреч – не могла прийти в себя. И будто наяву отчётливо слыша голоса, крики, стоны. Страх и ужас, который селился внутри. Она отказывалась от снотворного и могла более чётко видеть сновидения.

Первый день был подготовительным, второй приносил результат. Каждый раз после «эффективного» сна она отправлялась к психологу, обсуждая с ним увиденное. Вместе, в процессе беседы, они пытались найти первоисточник, причину таких страхов, которые могли быть отражением её жизни в реальности либо подсознательными болезнями и расстройствами. На этот раз запланировано четыре ночи без снотворного. Ночи, от которых уже пропитываются холодом кончики пальцев на руках и ногах.

Муж на эти дни также откладывал все свои дела, чтобы быть рядом, чтобы предоставить защиту, чтобы вытащить оттуда, откуда она не может найти выход. Он спасал своим голосом, согревал своим теплом, защищал своим присутствием. Он просто был рядом в тот момент, когда оказывался настолько необходимым.

– Как настроение?

– Спасибо, всё отлично, – бессмысленно соврала Лора и даже не стала реагировать на заинтересованный взгляд, а просто обошла мужа со спины и обняла, чуть навалившись на плечи. Он привстал из-за стола.

– Как прошёл день?

– Не задавай вопросов, на которые у меня нет ответов, дорогой. Всё хорошо, всё как всегда. Только мысли странные. Словно раздвоение личности, и внутри меня живёт ещё один человек, – тяжело вздохнув, Лора, предварительно став на цыпочки, уткнулась носом в его шею, чтобы почувствовать родной запах. Она широко улыбнулась, распознав в парфюме нотки горечи, смешанные с неутолимой жизненной энергией. – И чувство такое, что этот человек пытается вырваться наружу, чтобы отсоединиться. Ты в этом должен разбираться: это первый признак сумасшествия?

– Скорее, паранойи. Ты волнуешься и нагружаешь себя излишними переживаниями. Не пытайся искать то, чего рядом нет.

– Да я и не ищу, только это всё странно.

Лора чуть нависла над плечами мужа, уже не налегая, а лишь поглаживая твёрдые мышцы. Коснулась пальцами окантовки волос, кончики на которой собирались в забавную косичку, присела рядом за стол, продолжая удерживать его пальцы.

– Представляешь, сегодня я удивилась словам Веры Петровны о том, что не умею готовить. Перед глазами при этом стояла чёткая картинка, как я жду тебя с работы с горячим ароматным пловом на столе. Даже запах чувствовала как наяву. А потом поняла, что этого в действительности не было, – проговорила Лора вроде и равнодушно, но во взгляде читалось ожидание поддержки.

– Это могли быть воспоминания из детства, – задумчиво ответил муж, не отводя взгляда. – Но в целом идея мне нравится. Я могу купить баранины. Порадуешь умениями?

– Очень смешно, – повелась Лора на отвлекающий маневр. – Нет, здесь не в плове дело, а в том, как я всё это ощущаю. Сегодня вообще странный день... Неприятный. Да, ты прав и я, действительно, на уровне подсознания уже готовлюсь!

– Руслан сказал, что такие кардинальные скачки не обязательны и можно проводить всё плавно...

– А я уже полностью убедила себя в обратном, – заявила она безапелляционным тоном. – Ты будешь дома?

– Да, – отчего-то напрягся муж. – Со следующего понедельника запланирована недельная поездка на один из объектов на севере... Лора, я бы хотел, чтобы ты это время провела дома.

– Что-то серьёзное?

– Не более чем предчувствие, малыш. Существуют проблемы, которые нужно решить без риска для жизни. Есть такая возможность?

– Ева будет в шоке! – улыбнулась Лора и тут же пожала плечами. – Но если так нужно, то нет ничего невозможного. Опасение представляет кто-то из старых связей?

Муж несколько раз сосредоточенно кивнул, и эта сосредоточенность не обещала ничего хорошего.

– Скажем так, я не могу надавить своим авторитетом, придётся договариваться. А любые договоры сулят потери с одной и с другой стороны. Как тебе такое объяснение?

– Вполне доходчивое, спасибо.

Лора напряжённо вздохнула, прикрыла глаза.

– Что?

– Тело ломит. До сих пор не возьму в толк, что происходит. Я словно один большой метеочувствительный комок нервов, – неловко рассмеялась она.

– Я попрошу Фаину сделать тебе укол.

– Да. Тот, от которого я вырубаясь похлеще, чем от снотворного. Не стоит, спасибо, – не соглашаясь, Лора выставила перед собой раскрытую ладонь. – Горячая ванна – это всё, что мне сейчас необходимо. Ты ещё будешь ужинать?

Она посмотрела на пустую тарелку с привычным блеском в глазах, муж понимающе развёл руками.

– Ты напрасно соблюдаешь эту бессмысленную диету. Даже если и поправишься на пару килограмм...

– То уж точно не стану похожа на бегемота. Да, спасибо, я это уже слышала, но предпочитаю не выделяться.

Муж фыркнул.

– Не выделяться на фоне ножек своего стола?

– На фоне тех, кто приходит к нам за помощью, дорогой. Моя болезненная бледность напрочь отбивает все сомнения насчёт того, что я могу их обворовывать, обирать и так далее. Ты же знаешь, с какой периодичностью люди строчат жалобы.

Лора поднялась из-за стола, но в комнату не спешила. Супруг едко усмехнулся:

– Если это тебя расстраивает...

– Меня расстраивает интонация, с которой ты сейчас говоришь. Не нужно окружать меня колпаком, сплетённым из твоей любви и заботы. В таком случае я просто разучусь сопротивляться и, однажды, выбравшись на поверхность этого купола, задохнусь свободой, несовершенством нашего мира и просто отсутствием твоего дыхания рядом. Не хочу.

– Ты всегда перестраховываешься. В твоём положении это ни к чему.

Лора заинтересованно вскинула взгляд:

– Считаешь, моя жизнь идеальна?

– Я считаю, что ты сама создаёшь себе проблемы, когда их можно обойти стороной.

– Да. Но за твоими плечами, даже при таких условиях я чувствую себя пушинкой, летящей по дуновению ветра. Потому что знаю, что ты всегда расчистишь мне дорогу. Спасибо, но иногда и в паутину полезно запутаться.

– Главное, чтобы в этом был какой-то смысл.

– Он есть, – уверенно ответила Лора и развернулась по направлению к спальной зоне. – Смысл есть. Даже если ты его не видишь, – тихо бормотала она, на ходу распуская туго заплетённый хвост.

Горячая вода придала спокойствие и сняла львиную долю боли, покоящейся в теле. Если бы не страх утонуть в ней, как бы странно это ни звучало, Лора могла бы пролежать так всю ночь. Ту самую ночь, что подкрадывается неожиданно, словно чёрная кошка. И в один момент ты вдруг понимаешь, что успел заглянуть в её глаза...

Глава 10

Нас окружают страхи. Только кто-то учится их не замечать, а кто-то погружается в эту закрытую от посторонних глаз сторону своей жизни. Закрытых сторон от мужа у Лоры не было. Даже странно было то, насколько она ему доверяла. Больше, чем самой себе. Может, потому, что он всегда умел решать проблемы, не пряча взгляд от того самого страха, который сковывает её тело? Но ведь и она не была принцессой. Умела принимать решения. В том числе и те, что разрушали чужие жизни. При этом Лора абсолютно не испытывала жалости. Она была жёсткой. Сама себя убедила в этом за столько лет напряжённой борьбы, когда нужно каждому доказать своё право на существование. А сейчас, не понимая, что с ней происходит, теряет эту жёсткость, эту стойкость. И если бы не тот купол, который на самом деле давно замкнулся над головой, просто затерялась бы среди нахлынувших проблем. Не тех, что можно решить, перешагнув через себя. А тех, которые нужно понять, иначе дальше пути просто не будет.

Темнота. Она всегда сопровождает эти сны. И голоса, которые кажутся яркими вспышками в темноте. Словно блики: манят и тут же исчезают, чтобы в следующий раз светить за спиной, не позволяя поймать чёткие звуки, интонации. Они просто переполняют голову своим присутствием, не давая никакой информации. Силуэты людей, мужчин и женщин. Они кажутся знакомыми, но нет лиц, нет имён... Они словно тени. Сначала просто бродят рядом, напоминая о себе лишь ощущением присутствия, а потом, осмелев, делают решительный бросок, пытаясь зацепиться за единственное тепло: за её руки, пытаюсь потянуть на себя, за её ноги, пытаюсь заставить упасть. Липкие, холодные прикосновения. И запах. Отвратительный гнилостный запах, который окутывает с ног до головы. Они повсюду. Будто зовут, будто её... Но не называют имени.

Лора никогда в этих снах не видела себя со стороны, она смотрит на происходящее своими глазами. Тени перестают сновать в хаотичном порядке, они начинают окружать, смыкаясь за её спиной плотным кольцом. И она чувствует боль. Не свою – чужую. Но почему чувствует? Почему она? Тени приближаются, уже практически видны их лица, как вдруг одна из существей делает резкий выпад рукой, большой и сильной, и мощные пальцы сжимают её шею, пока не слышится хруст.

– Лора!

Открыв глаза, она подсакивает на месте, пытаюсь оглядеться, пытаюсь отдышаться. Вот только не получается! Её глаза наполнены страхом, а слёз нет. Их нет, пока она не понимает, что это её собственная рука сжимает горло, забирая жизненные силы и такой необходимый воздух.

– Лора!

Чёткий голос мужа чертит яркую полосу между вымыслом и реальностью, и больше ничего не хочется... Только обнять его, чтобы убедиться, что рядом... Чтобы убедиться, что с ней.

На часах три ночи. По углам комнаты горят тусклые ночники, которые не освещают, а лишь дают смутную надежду на то, что сны больше не вернуться. А Лора и так знает, что не вернуться. Потому что больше не сможет уснуть. И будет смотреть в темноту комнаты, вслушиваться в её тишину, всем телом ощущать удары сердца мужа за спиной и его размеренное дыхание. В такие ночи он не спит. Иногда Лора задаётся вопросом: а спит ли он в другие ночи или предпочитает всегда оберегать её сон? Только раньше об этом не задумывалась, а сейчас, со снотворным, всегда засыпает быстро и крепко. Муж надёжно обнимает и прижимается губами к волосам. Под утро, желая успокоить, он начинает легонько гладить их ладонью. Приятно, но об этом не думаешь. Только когда прикосновения исчезают, понимаешь, что чего-то не хватает.

В это утро рассвет был особенным, с ярко-оранжевым солнцем и лиловыми облаками. Как на море. Необычно и очень красиво.

– Почему ты никогда не спрашиваешь, что мне снится? – вдруг спросила Лора и отметила, что ладонь, касающаяся волос, остановилась, замерла.

На самом деле и не хотела ответа, только вот он сорвался с губ.

– Ты никогда не хотела мне об этом рассказать, – раздался тихий шёпот мужа, и она встрепенулась всем телом.

– Почему?

– У меня должен быть ответ на этот вопрос?

– Я не знаю. Сейчас впервые об этом задумалась. Я делюсь с тобой своими мечтами, переживаниями, планами на будущее. Я могу рассказать, что ела на завтрак, о чём разговаривала с людьми, и мне всегда важно, чтобы ты выслушал, важно твоё мнение. Но я никогда не хотела рассказать, что происходит в моей голове, а ты не спрашиваешь. Почему?

– Я знаю, что тебе снится, – вкрадчиво проговорил он и позволил повернуться к себе лицом, чтобы принять пытливый взгляд. – Ты разговариваешь во сне. Тихо. Ты просишь о помощи, ты спрашиваешь, чего они хотят.

– Они?

– Тебя преследуют тени.

– Я шизофреничка, – призналась Лора, но обманчиво спокойно улыбнулась. – Кажется, голоса в голове это оттуда. Разве нет?

– Всё образуется. Это просто испытание. Очередной жизненный этап, который мы должны пройти вместе.

– Это мой второй вопрос. Зачем тебе всё это? Тебе! Когда ты владеешь миром, – Лора видела, что ни один мускул не дрогнул на его лице. – Разве любовь бывает такой?

– Если не больно, то это не любовь, – лёгкий поцелуй собрал с губ все сомнения.

– Странная философия. Мне казалось, что каждый человек ищет счастья.

– У каждого оно своё. Для кого-то деньги. Для кого-то связи и самовыражение. Для меня счастье – это ты.

– А почему не больно мне?

– Потому что ты слабее, чем хочешь казаться. Но сильнее, чем думают остальные.

– Противоречивые высказывания. Разве нет?

– Всё зависит от ситуации. Ты сильная, но забываешь, что не нужно быть сильной со мной. Я всегда смогу тебя защитить, – говорил он громким внушительным шёпотом, глядя прямо в глаза.

Он вообще всегда смотрел в глаза. У многих такая его привычка вызывала панику, у неё – безграничное доверие. И сейчас Лора ему верила, хотя странные мысли в голове шептали об опасности. Потому что опасность всегда окружала его.

Муж ушёл, а Лора ещё долго будет лежать в постели, стараясь не смотреть в одну точку. Раньше, в самом начале, она пыталась встать, заняться привычными делами, но накатывала нереальная усталость и, буквально на секунду закрыв глаза, она чувствовала, что эти тени уже стоят за спиной. В ужасе оглядывалась, но никого не находила. И этот раздражающий шёпот... Словно должна знать, что означают эти звуки! Но она не знала.

На вторую ночь темнота всегда рассеивалась, открывая якобы знакомые пейзажи. Улицы, дома, комнаты. Лица становились светлыми и больше не были тенями. Отчётливые лица незнакомых ей людей, которые улыбались, здоровались. Это был уже другой сон. Точнее, вроде и не сон, а именно вторая жизнь. Вот она входит в здание, садится за рабочий стол, вглядывается в тёмный экран стоящего на столе монитора и оттуда видит тени. Теперь они за экраном, за стеклом. Как за ширмой. Она слышит, как те переговариваются, и чувствует холод, который тянется по ногам, рассылая дрожь от них по всему телу. В один момент светлые стены вокруг

превращаются в склеп или подвал, что-то тёмное и сырое. Страх сковывает тело настолько, что нет сил шевелиться.

Эти сны всегда происходят по одному сценарию. И лица людей, и стены вокруг из грязно-коричневого кирпича, поросшего мхом, всегда остаются прежними. Мужчины. Вокруг много мужчин. Они смеются. А потом много говорят. Только она не понимает ни слова. Это другой язык. Они смотрят на неё и жестами предлагают подойти. Но ноги не идут. Лора хочет подойти, чтобы понять, чтобы решить, но что-то не пускает. Что-то тяжёлое и неподъёмное. Это цепь. Толстые колючие звенья. Они притягивают к земле. Только нет оков. Цепь давит на неё одним своим присутствием. А потом наступает пустота.

Что происходит дальше, Лора раз за разом описывает в диалоге с врачом. Он слушает, помогает сделать выводы, но они каждый раз остаются неверными. Раньше Руслан объяснял это возможным тяжёлым детством, но детство Лора помнила хорошо, и эти воспоминания приносили с собой тепло. Потом была теория, будто эти сны, как отголоски того груза ответственности, что Лора взяла на себя, позволив решать, кому жить, а кому умереть. Ведь в её силах помочь многим, но инвесторы неглупые люди и окружили списком обязательств, правил, и она научилась отказывать. Говорить своё громкое и чёткое «НЕТ».

Лора часто думала о порче или сглазе, но сама же себя и высмеивала, понимая, что не верит в такие вещи. А потом просто устала гадать. Не знала, что происходит, и не знала, как от этого спастись.

Третья ночь. Впервые у неё была третья ночь. И это было страшно. Проснувшись, Лора долго смотрела на свои руки, пытаясь стряхнуть с них липкую и вязкую жидкость. Изморозь, бродившая по телу, не исчезала даже под двумя слоями одеяла. Горячие объятия мужа не спасали. Она не могла лежать. Казалось, всё вернётся вновь. Поэтому сидела, подобрала колени, и стучала зубами, глядя в одну точку.

В тот день на работу Лора так и не вышла. Оставалась последняя ночь. Ночь, после которой она всерьёз задумалась о том, что сходит с ума.

Лора больше не рассматривала свои ладони. Она не смотрела в одну точку. Потому что хотелось бежать! От самой себя и от этих кошмаров хотелось бежать.

– Лора, три часа ночи, – стал у дверей муж.

– Мне нужен Руслан! – твердила она, как заведённая, натягивая на ночную рубашку толстый свитер.

– Три часа ночи. Все спят.

– Никто не спит. У меня такое чувство, что в этом доме никто не спит! Зачем... ну, зачем ты держишь в доме эту Фаину?! – бросилась она к двери, в надежде прорваться и со стоном разочарования вывернулась из объятий мужа.

– Лора, успокойся.

– Она пугает меня. Она сводит меня с ума!

– Она не приближается к тебе.

– А я не хочу! Не хочу, чтобы приближалась, чтобы смотрела на меня! Что мне делать?! – Лора схватила мужа за полы его халата, пытаясь сотрясти, но казалась себе самой мотыльком, который вот-вот разобьётся о стекло скоростного автомобиля. – Отвези меня к Руслану... – взмолилась она, опадая в его руках. – Мне нужно... нужно с ним поговорить.

– Успокойся, я прошу тебя, – прижался он губами к её макушке и отнёс на постель абсолютно безвольное тело.

Так они встретили рассвет, потом дождались звонка будильника, непонятно для чего выставленного на десять утра. Стук в дверь никого не удивил и не заставил повернуть голову в сторону шума.

– Лора Витальевна, вас к телефону, – вкрадчиво проговорила Вера Петровна, но не сделала и шагу в сторону постели, так и стояла у дверей.

Кому, как не ей, было знать, что происходит в доме. Оттого сейчас и молчит, пытаюсь не выдать свою нервозность.

Лора не спеша поднялась, расправила руками волосы и с абсолютно каменным лицом взглянула на женщину. Так и не выдав ни единой эмоции, она уверенно протянула руку, желая взять телефонную трубку, разрешая войти.

– Спасибо, – кивнула, предлагая покинуть комнату. – Да, да Ева, я слушаю. Нет, без меня. Мне это неинтересно, ты же помнишь, что пятницу нужно было разгрузить. Созвонись с Германовым, пусть решает.

Лора нажала на отбой, посмотрела на тонкую полосу дисплея, перевела тяжёлый взгляд на мужа. Он тоже не спал, но и не мешал ей своим присутствием, ожидая внимания, предназначенного ему одному.

– Думаю, пора завтракать, а потом поеду к Руслану. Ты со мной?

– Я созвонюсь с ним позже, – ответил муж, разглядывая её лицо, руки, плечи. – Ты поедешь за рулём?

– Нет, я бы хотела с водителем, но...

– Тебя отвезёт Мансур. Мне так спокойнее.

– Спасибо, – прозвучало уже совсем тихо и примерно так, как он и ожидал.

После произошедшего ночью, он ждал страха в её глазах, испуга, истерики, протеста, но видел привычную решимость и уверенность. Ровный тон, размеренное дыхание и плавные движения никак не выдавали её внутреннего напряжения, и это пугало. Пугало тем, что что-то могло выйти из-под контроля. Что-то, о чём он пока не догадывается, но едва ли может воздействовать. Оттого и пытался за всем этим разглядеть истину.

Вздых облегчения выдал Лору с головой, когда муж предложил в сопровождение своего личного помощника. Мансур – один из немногих, который примерно понимал, о чём идёт речь, когда Лору нужно было отвезти к врачу. Никому другому она не могла показать свою слабость, больше никому не могла довериться. А сейчас успокоилась, потому что не нужно играть роль, которая даётся в последнее время очень тяжело.

Она на скорую руку привела лицо и волосы в порядок, выпила кофе и позволила себе пирожное со взбитыми сливками, ссылаясь на, якобы, не очень строгую диету. На самом же деле, делала это, скорее, от скуки, потому как к полноте склонна не была и могла себе позволить не только сладкое, жирное и мучное, но и всё это вместе, да ещё и на ночь. Но об этом не рассказывала, предпочитая хоть чем-то не выделяться из толпы.

Глава 11

Частный кабинет психологической помощи в огромном медицинском центре на сегодня был свободен от посещений. Лора не хотела столкнуться с кем-то в коридоре, не хотела, чтобы поползли слухи, поэтому вполне объяснимо перестраховывалась, бронируя для себя одной весь рабочий день врача и давнего друга.

Оставив сопровождающего за дверью, она вошла, тихо переступая по светлому ковру. Лора огляделась, отмечая немного спёртый воздух, незначительный разгром на столе и отсутствие хозяина кабинета. Не имея привычки бездействовать, уверенно шагнула вглубь комнаты, толкнула ароматизатор в виде детской неваляшки. Расслабляющий тонкий аромат тут же достиг обонятельных рецепторов. Минув полосы жалюзи приятных пастельных тонов, Лора потянула ручку окна, выставляя его на режим проветривания, резко оглянулась.

– Добрый день, впервые вижу у тебя такой бардак. Всё в порядке? – выпалила она, сдержанно улыбнувшись Руслану, отступила, сдавая позиции, подпуская его к врачебному креслу.

– Небольшой тест, – пояснил он, быстро собирая разбросанные листы бумаги в общую стопку.

– Я прошла его удачно? – Лора склонила голову набок, не спеша присесть, но под строгим взглядом всё же отставила миниатюрную сумочку в сторону, за пределы бокового зрения, и опустилась в удобное кресло.

– Поговорим об этом позже.

– А сейчас?

– А сейчас... – мужчина коротко улыбнулся. – Сейчас ты замечательно выглядишь. Как дела?

– Очередной тест? – вздёрнула Лора брови, но постаралась расслабленно улыбнуться. Она закинула ноги на подножку и взглянула на врача с некоторым безразличием. – Ты ведёшь себя странно.

– Ты тоже, – развёл он руками.

Лора едва заметно нахмурилась.

– Разговаривал с моим мужем? – догадалась она, голос понизился и принял возбуждённые нотки.

– Лора, оставь этот тон для своих подчинённых, – спокойно отреагировал Руслан и присел сам, привычно сложив руки на столе. – Как ты себя чувствуешь? – спросил он слишком просто, словно его интерес не праздный, а это, действительно, важно.

Руслан умел угодить и чувствовал настроение своих пациентов. Лора это ценила и позволяла себя обмануть. Поэтому сейчас, забыв о подтексте и скрытом смысле, она откинулась на спинку стула, с пульта на подлокотнике отрегулировав нужный угол наклона. Держала глаза закрытыми чуть дольше положенного, а потом всё так же улыбнулась.

– Я чувствую усталость, – призналась она и резко выдохнула, стараясь сконцентрировать взгляд.

– Не страх?

– Нет.

– Что произошло сегодня ночью?

– Я кое-что поняла. То, чего не могла уловить прежде. И это чувство... оно заставляет меня задуматься.

– Дай угадаю, ты, наконец, поняла, что эти сны тебя не пугают. Не так ли?

Лора умиленно улыбнулась.

– Твой тест?

– Да. Я практически уверен, что даже на прошлом сеансе атмосфера, в которой я тебя встретил сегодня, заставила бы отступить. Сегодня же, ты решила найти другой, более привычный для себя выход. Что изменилось? Что заставило тебя открыть окно, а не вернуться к стойке регистрации?

– Я поняла, что вовсе не страх заставляет меня трястись, словно осиновый лист, – монотонно проговорила Лора и вцепилась пальцами в подлокотники, на лице при этом не дрогнул ни один мускул.

– Вот как? Что тогда?

– Как бы странно ни прозвучало, но это ненависть, – проговорила она, и взгляд сфокусировался на лице мужчины напротив. – Не знаю, как и к кому, но именно ненависть сжигала меня изнутри всё это время.

– Ты прекрасно выглядишь, Лора, – сменил Руслан тему разговора и склонил голову набок, оценивая реакцию.

Она беззаботно скривила губы.

– Макияж творит чудеса.

– В прошлый раз ты предпочла от него отказаться. Почему выбрала сейчас такой дерзкий образ?

– Я так ощущаю себя изнутри.

– Готовой к войне?

– Скорее, в состоянии готовности вступить в неё при необходимости. Ответить на вызов, дать отпор.

– Ты воспринимаешь враждебно меня?

– С чего ты взял?

– Ты готовилась к встрече со мной. Или я что-то путаю и у меня просто мания величия?

Какие планы на сегодня?

– Этот день я полностью посвящаю себе.

– Тогда почему?

– Не знаю, не могу объяснить, – скоро ответила Лора и, действительно, растерянно, с той же беспомощностью, только уже во взгляде, посмотрела на врача.

– Что за камень у тебя на шее?

– Мой камень. Опал, – вроде бы удивилась она и мимолётным движением погладила кулон на груди кончиками пальцев. Расправила плечи, желая выдать хоть каплю уверенности, но под этим взглядом терялась.

– Огненный? С каких пор ты предпочитаешь чёрные опалы?

– Он всегда был у меня. Только... только я носила его с осторожностью.

– Это подарок?

– Подарок одного человека.

– Я его знаю?

– Не думаю...

Лора отрицательно покачала головой. Сделала это напряжённо, эмоционально.

– Очень сильный камень, сильная энергетика, исходящая от него. Я так понимаю, это оберег. Правда, такое украшение может тебя подавить. Не боишься?

– Я доверяю его выбору!

– Почему говоришь так громко? Разговор заставляет тебя нервничать?

– Нет.

– Пальцы не устали? – с усмешкой кивнул Руслан на побелевшие от напряжения костяшки. Его улыбка стала хищной, как только Лора попыталась их разжать и не смогла. – Лора, что напугало тебя прошлой ночью?

– Кровь, – ответила она, и глаза сверкнули, соединяя этот блеск воедино с блеском камня.

– На этот вопрос ты ответила увереннее, чем на предыдущий.

Руслан и сам напрягся, глаза за стёклами очков приобрели более жёсткий блеск, корпусом он чуть подался в сторону стола.

– Вопрос о пальцах? – не поняла Лора.

– Вопрос о мужчине. Как звали того человека, что подарил эту вещицу?

– С чего ты взял, что это мужчина?

– Я неправ? – приподнял он брови и чуть приоткрыл губы, сдерживая победную улыбку.

Эта улыбка стала шире, когда Лора стиснула зубы. – Ты ведь не помнишь его, верно?

Вопрос застал её врасплох, дыхание стало бурным, а внутренние противоречия отразились на лице.

– Но ведь абсолютно уверенно сказала, что доверяешь его выбору. Что не так?

– Я не знаю...

– Как он выглядит? Сколько ему лет? При каких обстоятельствах этот камень оказался у тебя?

– Я не знаю...

– Ты не помнишь?

– Я не знаю! – рыкнула Лора и прищурилась, понимая, что неправы, что нет в этом смысла и что правды тоже нет... – Руслан, что происходит?

– Это мы и пытаемся выяснить. Когда ты впервые почувствовала, что не помнишь части своего прошлого?

Лора стиснула зубы и ненадолго задержала дыхание.

– Почему ты задаёшь этот вопрос сейчас?

– Потому что ты готова на него ответить.

– А когда ты это понял? Когда понял, что я чего-то не помню?

– При первой нашей встрече.

Лора приподнялась и округлила глаза.

– И молчал?

– Я просто не понимал: ты, действительно, не помнишь или умело это скрываешь. Сейчас мы вдвоём готовы к этому разговору. Итак, когда ты впервые почувствовала, что не помнишь части своего прошлого?

Лора бурно вздохнула, но всё же решила на ответ.

– Около двух месяцев назад.

– С чем это было связано?

Она безвольно опустилась на спинку кресла и устало потёрла виски напряжёнными пальцами. Отрицательно махнула головой, внутренне сдуваясь.

– Мой секретарь. Жуткая болтушка... Она часто задаёт много вопросов ни о чём. Ей не всегда нужны ответы, скорее... почувствовать себя нужной. Тоже что-то из комплексов детства, да и неважно! Так вот, она спросила, где я училась. А ведь я точно знаю, что у меня есть диплом экономического института, но при этом не помню ни лиц, ни имён преподавателей, одноклассников. Не помню, как училась, как сдавала экзамены. При варианте заочного обучения, не помню сессий. Вообще ничего. Но обладаю всеми необходимыми навыками, которые, действительно, могла получить только обучаясь. Тогда я просто упомянула название института, смутно осознавая, что видела его исключительно на дипломе.

– Почему ты сразу не сказала мне об этом?

– Я хотела разобраться... – торопливо ответила Лора и получила очередной резкий вопрос:

– Разобралась?

– Кажется, только больше запуталась... Руслан, у меня всегда была очень насыщенная жизнь. Я двигалась дальше, иногда забывая оглянуться, и до последнего момента меня это

устраивало. Сейчас же свободного времени вдруг оказалось более чем достаточно, и я всё больше и больше начинаю понимать... – Лора тряхнула головой, избавляясь от наваждения. – Начинаю понимать, что не помню слишком многого.

– Что заставляет тебя чувствовать заблуждение?

– Мысли, – сказала она и поторопилась пояснить, активно жестикулируя руками. – Я имею в виду неосознанные, которые долго-долго блуждали, прежде чем добраться до нужного отдела мозга. Может, знаешь, фильм есть такой, с Деми Мур в главной роли. Там у неё во сне начиналась другая жизнь. То есть в одной она была успешной бизнес-леди, в другой – вдова с детьми или что-то подобное, – зажмурилась Лора, пытаясь сконцентрироваться, и резко выдохнула, открывая глаза. – Это как раздвоение личности. Только у меня нет такого: проснулся и живёшь одной жизнью, уснул, и картинка снова меняется. Просто некоторые мысли... они будто мне не принадлежат, словно воспоминания не мои.

– Как это происходит?

– Обычно. Совершенно обычно. В разговоре. Из последнего моего утверждения были заблуждения по поводу того, что я собирала мужу обед и готовила завтраки. Причём я была уверена, что такое было. Уверена на все сто процентов! И только лишь замечание нашей экономки о том, что я никогда не готовлю... – Лора задохнулась собственными впечатлениями. – В принципе, открытие она не сделала, но я поймала себя на мысли, что отчётливо видела совершенно другую картинку. Ту, которой в моей жизни просто не могло быть.

– Ты разговаривала об этом со своим мужем?

– Да, но мы не акцентировали на этом внимание. Я даже не помню, что он ответил, да это и неважно, – махнула она рукой и не заметила острого взгляда в свою сторону.

– Это вполне объяснимо, Лора. Пока оставим этот разговор.

– Почему? Ты считаешь...

– Я считаю, что мне стоит это обдумать, – резко обрубил Руслан, заставляя замолчать, Лора стерпела, перевела дыхание, но не сдержалась.

– Но почему...

– Ты помнишь первую нашу встречу? – вдруг спросил он и нахмурился, понимая, что Лора не готова ответить на этот вопрос. – Как мы познакомились, как давно? – подсказывал, пытаясь навести на нужную мысль. – Может, в состоянии рассказать, что привело тебя к психологу впервые?

– В каком смысле впервые? – замялась Лора и неловко улыбнулась. – Нет... я помню...

– Но ты пришла ко мне и поздоровалась, словно со старым другом. Спросила как дела и это была не просто вежливость. Лора? – давил Руслан интонацией и внимательным взглядом, пытаясь уловить малейшие изменения её настроения, а, по сути, просто хотел уличить.

– Руслан, я... честно... было такое чувство... но я даже не задумывалась над этим... Подожди!

– Стоп! Хватит. Даже у меня сейчас нет ответов на твои вопросы. Давай... Давай перенесём этот вопрос на другой день. Только это будет не обычная наша встреча, а, допустим, на следующей неделе. Просто встретимся и побеседуем как старые друзья. Хорошо? – кивнул он, по ходу дела открывая свой ежедневник.

– Как старые друзья?

– Не цепляйся к словам, я имел в виду основу диалога, а не его смысл. Сейчас предлагаю перенестись на несколько часов назад.

– Но, Руслан...

– Ты должна понимать, что это важно! – не дал он договорить и Лора, пропыхтев что-то себе под нос, сдалась без боя.

– Хорошо, давай, – нехотя согласилась она и съехала по креслу вниз, пытаясь акцентировать внимание на совершенно другой теме. – Только ты спрашивай. Мне так удобнее. Ино-

гда вопросы наводят на размышления, и я вспоминаю то, что упустила. Что-то важное в своей основе и незаметное на первый взгляд.

– Хорошо, – мягко улыбнулся мужчина, наблюдая за этим перевоплощением.

Но полностью направить всю энергию на её рассказ не получалось. Одна неприятная мысль... к сожалению, вполне осознанная и чёткая, посетила голову и сейчас не давала покоя. Руки чесались набрать один из номеров для важного в этом случае разговора, но пока было рано, и он продолжал слушать.

– Что изменилось в твоих снах? Четыре ночи без таблеток – это много. Ты помнишь, что происходило? В той очерёдности, в которой эти видения появлялись?

– Да. Появились детали. То, что казалось смазанным, приобрело чёткие очертания.

– Закрой глаза, Лора. Не сравнивай, рассказывай то, что заметила впервые.

– Новые люди...

– По порядку Лора. Не спеши. Люди ведь появляются потом. Что ты увидела сначала? – мягким наводящим голосом внушал он простую истину.

Лора прислушалась и приготовилась к тому, чтобы погрузиться в свои сны. Готовилась осознать в реальности то, что видела и чувствовала. И холодок пробежал по телу. Отвратительный. Мерзкий. Заставляющий поёжиться.

– Комната, – произнесла она чётко и громко, сжила кулаки. – Всё та же комната. Она мне знакома, но я по-прежнему и не могу понять, где могла её видеть. Ощущение спокойствия, которое расслабляет, но что-то настораживает. Чьё-то присутствие.

– Встреча? Ты кого-то ждёшь?

– Нет, наоборот. Я понимаю, что в ней никого не должно быть, и это пугает.

– Что это?

– Звуки. Кажется, дыхание. Может, чужой запах. Неприятно. И страшно.

– В комнате как всегда темно?

– Да. Полная темнота, настолько густая, что я не различаю стен. Я только чувствую и понимаю, но ничего не вижу. Всё плывёт. Стены, потолок, пол... они кружатся, словно пытаюсь сбить с толку. Я что-то ищу. Что-то важное. Но не нахожу и приходится бежать, чтобы успеть. Понимаю, что практически не двигаюсь, и тогда, желая ускориться, начинаю цепляться за предметы.

– Ты видишь то, что тебе нужно?

– Нет, я только знаю, что должна успеть, – резко ответила Лора и смолкла, словно прислушиваясь. Она шумно втянула воздух через нос и едва заметно поморщилась. – Болото. Вокруг меня болото. Вязкая тёмная жидкость засасывает меня, словно топь. А ещё тупые удары, отдающиеся по всему телу. Меня будто толкают, заставляя споткнуться, погрузнуть глубже.

– Чьи-то руки?

– Нет. Это не руки. Чувство, будто меня толкают в спину палкой. Нажимая так, чтобы я упала. Именно упала, но не утонула, потому что эта палка тут же оказывается моей поддержкой. Я цепляюсь за неё обеими руками, но вместо спасения испытываю боль. Занозы. Множество острых деревянных иголок впиваются в ладони, и я чувствую каждую из них. Бросок! Я лежу на полу. Снова та комната, но теперь в ней светло. Мои руки в крови. Я кричу, но не от страха.

– Ты говорила о ненависти.

– Нет. Сейчас нет. Это безысходность. Это понимание безвыходности и какого-то долга. Кровь поднимается выше, оплетая запястья, сворачиваясь в чёрные сгустки. Я вижу тряпку. Так странно, но она белоснежная. Пытаюсь оттереть руки, но она по-прежнему остаётся белой, а кровь всё поднимается и поднимается. Толстые капли текут вверх, достигая локтя. Я чувствую её тепло и... будто пульсацию. Пульсацию чего-то живого. Я тру кожу, сдирая её, стягивая до боли, но тряпка так и остаётся незапачканной.

– Белый цвет – цвет чистоты.

– Я думала об этом. Всё выглядит так, словно пытаюсь найти себе оправдание, но его нет. Я себя обманываю. Кружится голова, слабость, снова дрожь. Но мне нужно подняться. Чей-то шёпот заставляет встать. Моя цель совсем близко, рядом... так, что руки горят... – Раскрытые ладони прошлись по строгим брюкам с такой силой, словно пытались их разгладить. – Громкий крик заставляет обернуться. Там яркий свет. Мне нужно туда. Я смотрю и слабею на глазах. Передо мной ребёнок.

– Это мальчик или девочка?

– Скорее, кто-то бесполой. Так, словно всё равно.

– Это маленький ребёнок, ты не можешь разобрать?

– Нет. Он большой. То есть маленький, но... дело не в возрасте. Я просто не вижу, не понимаю.

– Это был детский крик?

– Нет. Этот крик был моим. Я только потом поняла, потому что схватилась за горло, пытаюсь унять боль. Хочется идти вперёд.

– Ты приближаешься?

– Нет.

– Тебе что-то мешает идти?

– Нет.

– Ребёнок – твоя цель?

– Я не знаю.

– Что он делает в твоём сне?

– Не понимаю... – зажмурилась Лора, пытаюсь надавить на глаза – они болят.

– Он просто стоит в стороне? Зовёт тебя, просит помощи или, наоборот, внушает страх, предчувствие?

– Просто стоит. Он смотрит на меня. И становится жутко. Этот взгляд... – заметный озноб заставил тело переколотиться, и Лора обняла себя обеими руками, пытаюсь унять дрожь.

– Он пугает тебя?

– Он говорит, что я опоздала, что не смогла!

– Это важно?

– Да. Это конец. Я не могу... – Лора тряхнула руками так, словно пыталась сбросить все чувства, как наваждение. Она открыла глаза и прогнала тугой ком в горле.

– Ты и прежде видела ребёнка во сне. Почему сейчас это тебя настолько задело? Он всегда так смотрел?

– Не знаю. Но этой ночью он впервые отвернулся от меня.

– Ты чувствуешь вину?

– Скорее, я просто не знаю, что должна чувствовать. Я запуталась. Мой муж... – голос сорвался, и пришлось на секунду задержать дыхание. Лора проморгалась, пытаюсь прогнать ненужные слёзы, поджала губы и всё равно смахнула их руками, кончиками пальцев подправила макияж. – Несколько дней назад он рассказал, что я была беременна. Давно. Ещё до нашей свадьбы. Я думаю, это как-то связано.

– Ты упомянула, что он рассказал. Почему?

– Потому что я этого не помню. Мне не больно, не жалко... Я просто приняла это как факт.

– Что произошло?

– Он сказал, что на меня напали и... и сильно избили. Не знаю... что-то такое. Я не вслушивалась. Он говорил, а я не понимала.

– Ты помнишь то время?

– Мне кажется, что я пытаюсь додумать то, чего не было.

– Разговаривала с ним об этом?

– Нет. Он просто попросил выслушать. Я спросила: хочет ли детей, он задал аналогичный вопрос, и я почувствовала внутренний страх. Как стоп-сигнал, как запрет. Он понял это, поэтому и рассказал.

– Почему ты считаешь, что не чувствуешь, а именно додумываешь?

– Не знаю. Всё одно к одному. Он рассказал про то, что ребёнок был, и вот во сне я вижу его чётко и ясно. Он сказал, что... случилось то, что случилось... и я тут же чувствую потерю: во сне он от меня отвернулся, удалось разглядеть осуждение во взгляде. Ты считаешь, что это не домыслы?

– Я предлагаю высказать своё мнение.

– Я не ощущаю себя матерью, Руслан. Нет той наполненности, лёгкости, того счастья. Было и было, а чувств нет.

– А что есть?

– По телу проходит неприятная дрожь. Боль, пустота, страх остаться одной.

– Твой муж говорил о беременности. Это общий ребёнок?

Лора посмотрела на врача круглыми глазами и несколько раз удивлённо моргнула.

– Я не задумывалась над этим, Руслан, – усмехнулась она мыслям и развела руками. – Верить, нет, а не представляла рядом другого мужчину...

Лора отдышалась, снова ошарашенно взглянула.

– И... он просто сказал, что беременность была. На тот момент я и не подумала, что от другого мужчины... Да и он так всё это преподнёс, что, да, действительно, осталось ощущение, будто его рядом не было.

– Ты сказала про страх остаться одной. Имела в виду мужчину?

– Нет, – удивлённо произнесла Лора и замолчала, делая для себя это открытие. – Я говорила о семье.

– Ты рано осталась без родителей, возможно, именно эти воспоминания тебя задевают.

– Да... наверно... но я, действительно, говорила именно о семье! – она даже обрадовалась этому открытию. – И ты прав, рядом не было никого... наверно, это воспоминания из детства.

Несколько раз Лора кивнула, а потом вскинула взгляд, который очень быстро потемнел.

– Говори, – предложил Руслан, принимая непринуждённую позу, располагающую к общению.

– Я говорила о ненависти.

– Я помню, – сосредоточенно кивнул он.

– Так вот, ребёнок... он отвернулся, но не ушёл. Он будто чего-то ждал.

– Тебя?

– Нет, – порывисто прошептала Лора. – Моего ответа. Я поняла это в тот момент, когда почувствовала тяжесть. Вокруг появились люди.

– Это было другое место?

– Нет. Именно эта комната. Только... они ведут себя так, словно меня нет. Меня нет и никого нет. Есть только они. Это мужчины. Они смеются, что-то пьют. Вызывают неприязнь. Запах! – чётко выделила Лора это слово и задышала громко и часто. – Кровь. Пот. Страх. – От напряжения её губы побелели, глаза сверкнули холодным блеском, а на щеках выступил непривычно яркий румянец. – Их страх. И моя ненависть. Именно это я чувствовала в каждом своём сне. Я понимала, что именно это чувство меня держало в напряжении всё это время. Это их хриплые голоса, их липкие руки. Их омерзительный запах, – скривилась Лора, чётко выдавая каждое слово, выделяя каждое яркой эмоцией, той ненавистью, которую можно было ощутить на расстоянии вытянутой руки. Прямо сейчас. В этом кабинете. – Они моя цель... Они моя боль.

– Ты знаешь их?

– Нет. Это чужие люди. Но я иду к ним, понимая, что другого выхода нет.

Её взгляд пронзил пустоту и остановился на одной из точек пространства, так, словно смотрела сквозь Руслана. Смотрела и видела источник ненависти. И боль, о которой говорила. На лице отражалась решимость.

– Мне тяжело. Каждый шаг отдаётся невыносимой болью внутри. Руки... они словно отрываются, тянут к земле, не дают двигаться вперёд. Но мне нужно идти, я чувствую это и делаю один шаг за другим. В какой-то момент устаю... Пытаюсь посмотреть на ладони и понимаю, что одной руки нет. Просто нет. А вместо неё... вместо руки топор палача. С густой кровью на острие. А потом вокруг снова образуется пустота. Ничего не остаётся. Только капли крови, которые приземляются на ту самую белую тряпку. Она снова под ногами. И она окрашивается в красный цвет.

– Лора? – позвал Руслан, когда понял, что она слишком глубоко погрузилась в себя. – Лора?! – прикрикнул и дёрнулся, когда она перевела на него абсолютно неменяемый взгляд. А в её глазах космос. Холодный и пустой. Который затягивает. Который уничтожает. Такой, с которым она пришла к нему впервые. – Лора... – тихо позвал Руслан и мог назвать секунду, момент, когда она вернулась, когда стала собой. Только теперь не был уверен, что это она, а не то, что ОН с ней сделал.

– Мне пора! – резко поднялась она, движимая необъяснимой силой и огляделась, пытаясь вспомнить, куда поставила сумку. Зацепив её взглядом, подхватила и только у дверей обернулась, спохватившись. – Я ведь могу идти?

– Да, конечно, – сдавленно проговорил Руслан, но не смог выдавить из себя улыбку.

Он смог только до боли растирать своё лицо, пытаясь прийти в чувства. Смог схватить волосы, выдирая их из головы. Смог громко прорычать, понимая, что натворил, движимый желанием помочь.

Глава 12

Трель телефонного звонка не застала его врасплох. Он знал, кто это звонит, поэтому криво ухмыльнулся и нажал на кнопку принятия вызова.

– Она ведь ничего не помнит, верно? – спросил с напусковой лёгкостью и почувствовал, как губы растягиваются, выдавая улыбку.

– Руслан, не кипятись.

– Ты сказал, что всё хорошо, и я тебе поверил!

– Успокойся.

– Ты сказал, что всё прошло, и я снова тебе поверил!

– Руслан! – предостерегающе прозвучал мужской голос на другом конце связи.

– Это ты сделал? – задал он вопрос, который вертелся на языке.

– Я сейчас приеду, – сказал тот в ответ, как отрезал, и отключился.

Через час дверь кабинета с шумом распахнулась.

– Пошёл к чёрту! – тут же выкрикнул Руслан, сидя за столом с бокалом коньяка.

– Успокоился?

Мужчина прошёл по кабинету и бесцеремонно уселся на стол. Он повертел в руках рамку с фотографией, пока Руслан не вырвал её из рук. Затем мужчина оглянулся, прицениваясь к количеству дипломов на стене. Ядовито улыбнулся.

– Растёшь! – голос прозвучал с похвалой. – Тысячу лет у тебя не был. Какие планы на будущее?

– Иди ты!

– Тише, Рус, не надрывай связки. Учишь людей контролировать эмоции, а сам...

– Скажи, какой она была раньше? – вдруг задал Руслан вопрос. – Ведь не такой с*кой, как сейчас.

– Язык прикуси! – вмиг напрягся мужчина, демонстрируя готовность к броску, чтобы уничтожить противника. Руслан выставил вперёд руку с оттопыренным вверх большим пальцем.

– Любовь-морковь... Что ты с ней сделал, а?

– Ты с ней сделал, Рус. Ты, а не я, – мужчина ткнул в него пальцем и отвернулся.

Руслан кособоко скривил губы и отрицательно покачал головой.

– Лора уже неживой была, когда ко мне привёл! Не человек – оболочка. Серая и пустая.

– Ей просто нужна была передышка.

– Ага, рассказывай! – иронично усмехнулся Рус. – Ты и тогда так сказал. А я, дурак, поверил. А ты... ты просто хотел остаться чистеньким. Что ты для неё сделал? Написал своей рукой новую судьбу? Что для неё придумал?

– У Лоры есть всё, чего она хотела, – тихо ответил мужчина, но как-то неуверенно, что никак не сочеталась с его образом всемогущего и всезнающего.

– А что ты у неё отобрал? – язвительно улыбнулся Руслан, но тут же нахмурил лоб. – Эти её сны, это что? Ты скажи, чтобы я знал, чего ожидать.

– Я думаю...

– Ты думаешь?! – резко подскочил он. – Ты думаешь?! Ни хрена ты не думаешь! Ты просто берёшь то, что тебе нужно, выжимаешь до капли, до последнего вздоха, а потом выбрасываешь из своей жизни! Кто с ней работал после меня?

– Никто.

Руслан передёрнулся от злости.

– Никто?! – бросил он с вызовом и стал практически вплотную. – Ты хочешь сказать, что простейший гипноз не отпускает её столько лет? Да её умудохали так, что непонятно, есть

ли там что-нибудь, в этой умной милой головке, кроме того, что туда записали. Есть ли там что-нибудь живое, или она так и осталась оболочкой, только теперь нашпигованной нужной тебе информацией!

Мужчина отступил и посмотрел за окно, вдаль, усмехнулся тому, как может сейчас выглядеть, и глянул на Руслана в упор.

– Я сам об этом много думал. Всё ждал момент, когда она посмотрит на меня и узнает. Мне кажется, это что-то вроде защитной реакции её мозга на происходящее. Где на твой, как ты говоришь, простейший гипноз, она ответила мощнейшим отзывом. И неправ ты, Рус. Такой она и была. Может, не настолько властной, не настолько жёсткой в действиях, но в душе это она и есть. Вот такая, какая сейчас. Смелая, решительная. Её воспитали иначе. Мягкой домашней девочкой. Но своей сути не скроешь. Она всё равно выберется наружу, хочешь ты того или нет. Так и Лора. Ей сказали, что так должно быть, а она пыталась соответствовать.

– А потом пришёл добрый дядя и научил девочку быть собой! – с язвительной, напускной радостью в голосе прошептал Руслан, пьяно усмехнулся и громко хлопнул в ладоши. – Знаешь, кому расскажешь?! – прорычал он, притягивая к себе друга за отворот пиджака. – Ты просто взял её и уничтожил, подминая под себя. И, знаешь, я верю, что всегда была с характером. Иначе ты бы не привёл сюда это безвольное существо, которое смотрело тебе в рот. Потому что ты сломал, скрутил в бараний рог и не отпускал, пока не признала в тебе Бога.

– Ты неправ сейчас.

– Не она первая, – припоминая, хмыкнул Руслан.

– Рус, перестань. Просто делай свою работу.

– Я помню Нику, – не реагируя на призыв, проронил он. – По силе она твоей Лоре и в подмётки не годится, – произнёс и оценил реакцию: друг замолчал. – Иногда она заходит ко мне. Иногда даже может улыбаться.

– Ты напился, Рус, – мужчина силой повернул его лицо на себя и сжал рукой обе щеки разом.

– Иди к чёрту! Ты хочешь, чтобы я с ней работал? Тогда я сделаю так, что она всё вспомнит.

– Ты убьёшь её! – с угрозой в голосе проговорил мужчина и сжал пальцы сильнее.

– Как ты любил говорить? Лезвие поёт в твоих руках, да? Так вот, эти сны, как и твоё лезвие, режут её по живому. И убивают. Медленно и мучительно. Однажды она умрёт только потому, что поймёт: её уже давно нет.

– Я тебя не прошу вести её в обратную сторону, не прошу подавлять её характер! Я прошу: сделай так, чтобы к этим воспоминаниям она подошла плавно. Без рывков, без толчков.

– Зачем тебе это нужно?

– Потому что я так хочу, – внушительно проговорил мужчина, склонившись над Русланом, и резко оттолкнул его от себя. – И запомни этот разговор, потому что...

– Знаю, знаю. Ты отрежешь мне язык, – пьяно рассмеялся Рус.

Глава 13

Лора, как и всегда после разговора с психотерапевтом, чувствовала себя подавленной, немного рассеянной, особенно если учесть, что сегодня она даже не выслушала его мнение. Сбежала, как только получилась такая возможность, и вспомнила об этом только в машине, уже на подъезде к дому. Теперь же она быстро семенила ногами, поднимаясь на высокую веранду, торопясь рассказать о произошедшем мужу. В прихожей сменила сапоги на домашние туфли, пальто повесила на вешалку, и не думая о том, чтобы выровнять плечики. Сумку так и держала в руках, имея привычку хранить её только в гардеробном шкафу своей комнаты. На дороге встала «Хозяйка подземелий», как про себя Лора называла любимицу мужа, Фаину.

– Хозяина нет дома, – склонила она голову в поклоне, что претил Лоре глаза всякий раз при встрече с женщиной. Особенно коробило, что та старше её в два раза.

Пришлось развернуться. Только потом Лора опомнилась и расправила плечи, принимая привычную позу.

– Фаина, разве я у вас что-нибудь спрашивала? С чего вы взяли...

– Вы всегда после беседы с врачом общаетесь с супругом. Но сегодня его нет, – спокойно повторила та и снова склонила голову.

– Спасибо. Что-то ещё?

– Вера Петровна три раза заходила в вашу комнату.

Лора стиснула зубы и посмотрела с недоверием, сдержанно кивнула и хотела пойти к себе, как в спину полетела очередная фраза.

– Все в доме знают, что в вашу комнату заходить нельзя.

Лора развернулась и посмотрела в упор, наверняка зная, что женщину этим взглядом не испугает.

– Каждый раз я лично контролирую уборку вашей комнаты и спокойна за сохранность вещей. Сегодня я в этом быть уверена не могу.

– Спасибо, если у меня возникнут нарекания, я спрошу с Веры Петровны. Что-то ещё? – спросила Лора только из вежливости, которую могла засунуть подальше в любом случае, но разговор с Фаиной всегда оставался исключением.

– Хозяин просил никуда без него не выезжать.

– Спасибо, Фаина, – проговорила она сквозь зубы. – Я учту. А теперь, с вашего разрешения, всё же пойду.

– Доброго дня, Лора Витальевна, – услышала Лора вдогонку и едва сдержалась от желания выругаться.

А в спальне буквально рухнула на кровать. Рука сама потянулась к флакончику со снотворным.

На следующее утро она могла поймать только запах любимого мужчины, но не его самого. Не удивилась отсутствию макияжа и ночной рубашке. Окончательно проснуться заставил звонок мобильного телефона, который кто-то предусмотрительно включил.

– Да, Ева, – простила Лора в трубку, не в силах отойти от таблеток.

– Лора Витальевна, надеюсь, вы помните об открытии зимнего сада, которое было перенесено? Я это к тому, что вас ждут к двенадцати у центрального входа. Будет администрация города и журналисты.

– Зачем? – искренне удивилась она, и тут же пожалела о своём вопросе.

– Лора Витальевна, мы же с вами обсуждали, что там редкие виды декоративных растений из Африки и Австралии, про азиатские леса я вообще молчу.

– Кто придумал этот бред? Откуда в Африке декоративные растения? Ева, ну, хоть ты подумай. Ладно! – тут же согласилась Лора, понимая, что спрос с секретаря невелик. – К двенадцати буду. Сейчас, кстати, сколько?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.